

О НЕГАТИВНОМ ЦИТИРОВАНИИ И ВАЖНОСТИ БЫТЬ ТОЧНЫМ

В.С. Лазарев

Белорусский национальный технический университет, Научная библиотека,
Минск, Республика Беларусь
E-mail: vlas0071@gmail.com

Аннотация: В продолжение дискуссии обсуждается предыдущая публикация из данного номера журнала, а фактически – обсуждается проблема негативных ссылок, которая признаётся автором во многом надуманной, т.к., за редчайшими исключениями такие ссылки приходится на документы, анализ которых стимулирует творческую мысль цитирующего, помогает отточить его аргументацию, формулировки и пр. Всё это относится к *использованию* цитируемых документов и, соответственно, указывает на их *ценность*. Что же до оценки их *качества*, то каузальных связей между цитированием и качеством вообще нет (имеются связи вероятностные), и поэтому нельзя говорить, что сохранение в наукометрическом учёте негативных ссылок искажает соответствующую оценку. При этом следует иметь в виду, что, по мнению различных авторов, существуют разные виды негативных ссылок, что при принятии точки зрения о необходимости их особого учета, требует, соответственно, различных подходов к такому учёту их и/или исключению их из такового. Мало того, известны работы с попытками отнесения к т.н. «нейтральному цитированию» как «положительных», так и «отрицательных» цитирований, а это уже – фактическое стирание граней между позитивными и негативными ссылками. Также следует иметь в виду, что на заведомо некорректные работы приходится также немалая доля *позитивных* ссылок, и в этих случаях избирательный учёт негативных ссылок не поможет выявить некорректные результаты, утверждения, выводы. Наконец, не существует реальной возможности осуществлять быструю и авторитетную проверку негативных ссылок экспертами. Что же касается рассматриваемой в предыдущей публикации журнала «остановки некорректной информации», которая предположительно может быть выявлена с помощью учёта и экспертных оценок негативных цитирований, то никаких её механизмов в рассматриваемой работе не описано. Сам же по себе избирательный учёт и оценка негативных ссылок такую «остановку», как пытается показать автор, обеспечить не может. Проблема самоцитирования остаётся дискуссионной как в наукометрии (в каких случаях и в какой форме оно должно учитываться и должно ли оно учитываться вообще?), так и в практической деятельности редакторов и издателей. Точка зрения автора заключается в том, что об избыточности самоцитирований следует судить рецензентам применительно к каждой отдельной поступающей для опубликования работе.

Ключевые слова: наукометрия, научная критика, научная полемика, наукометрические показатели, негативное цитирование, самоцитирование, цитируемость документов, использование документов, ценность документов, качество документов, экспертная оценка.

ON NEGATIVE CITATIONS AND THE IMPORTANCE OF BEING ACCURATE

Vladimir S. Lazarev

Belarusian National Technical University, Scientific Library,
Minsk, Republic of Belarus
E-mail: vlas0071@gmail.com

Abstract: In continuation of the discussion, the previous paper in this issue of the journal is reviewed, and, as a matter of fact, the problem of negative citation is discussed, which is recognized to be largely farfetched because, with the rarest exceptions, such citations deal with documents, the analysis of which stimulates the creative thought of the citing author, helps to hone his/her argumentation, wordings, etc. Such involvement of the cited documents relates to the *use* of them and, accordingly, the use indicates their *value*. As for the assessment of their *quality*, there are no causal relations between a document's being cited and its quality at all (there are probabilistic relations). Therefore, it cannot be said that the accounting of negative citations in scientometric examination distorts the corresponding assessment. At the same time, it should be borne in mind that, according to various authors, there are different types of negative citations, which, accordingly, when adopting a point of view on the need for their special account, requires different approaches to such accounting of them and/or to exclusion them from it. Moreover, some attempts are known to classify both “positive” and “negative” citations as the so-called “neutral citations”, and this is already an actual blurring of the lines between positive and negative citations. It should also be borne in mind that deliberately incorrect works also account for a considerable portion of *positive* citations, and in these cases selective accounting of negative citations would not help to identify incorrect results, statements, conclusions. Finally, there is no real way to quickly and competently verify negative citations by experts. As for the “termination

of incorrect information” (which can presumably be identified by taking into account and expert evaluation of negative citations) that was repeatedly mentioned in the previous paper of the journal issue, no mechanisms of such “termination” are described in it. By itself, selective accounting and evaluation of negative citations cannot provide such a “termination”, as the author of the present paper believes. As for the problem of self-citation, it remains controversial both in scientometrics (in what cases and in what form should it be taken into account and should it be taken into account at all?) and in the practical activities of editors and publishers. The author’s point of view is that the supposed redundancy of self-citations should be judged by reviewers in relation to each individual work submitted for publication.

Keywords: scientometrics, scientific criticism, scientific controversy, scientometric indicators, negative citation, self-citation, citation of documents, use of documents, value of documents, quality of documents, expert evaluation.

Краткий фрагмент, посвящённый негативному цитированию и приведённый в работе А.В. Гринёва [1], выходит в свете его публикации [2] на новый виток обсуждения. Поэтому для исключения недоразумений в начале данной статьи есть смысл привести его целиком: «Нельзя не упомянуть проблему негативных ссылок. Доходит до абсурда: негативная ссылка, которую, по идее, после проверки экспертами следует учитывать со знаком минус, наоборот, приносит некомпетентному автору дополнительное цитирование. В свою очередь, указание на то, что подобных ссылок немного, они не меняют общей статистики и их не надо классифицировать, – не аргумент. И вот почему: если вовремя не остановить некорректную информацию, то она будет размножаться, заражая тексты других учёных, особенно молодых» [1, с.1000–1001]. Призыв к «остановке информации» (выглядящий вполне зловеще и вызывающий вполне определенные ассоциации) и образ «заражаемых текстов» (как бы указывающий на то, что авторы этих «заражаемых текстов» просто бездумно переписывали «заразные фрагменты» в свои работы, не давая себе труд сколь-либо внимательно прочитать их) действительно вызвали у меня – наряду с тревогой, – возмущение, которое и отразилось в моей небольшой публикации [3]. Комментируя её, А.В.Гринёв в своей новой работе утверждает, что «В.С.Лазарев с возмущением пишет о моём призыве остановить некорректную информацию, поскольку она будет размножаться, заражая тексты других учёных. Более того, он приписывает мне уже совсем несуразные рекомендации, приправленные собственными домыслами: “Значит, из его формулировок следует единственный вывод: работу, получившую негативную ссылку, следует ретрагировать, изолировать, уничтожить (нужное подчеркнуть). Причём делать это незамедлительно – пока не распространилась “зараза”. Если незамедлительно, то времени на серьёзную экспертизу уже нет: получила статья негативную ссылку и – на костер её?” [3, с.24]. Спрашивается, где у меня написано про подобные ужасы, связанные с немедленным уничтожением научных работ? Ведь у меня говорится об информации (т.е. какой-то части работы и ссылке на эту часть), а не о статье в целом» [2].

Уместна ли в свете терминологически корректной трактовки слова «информация возможность использования его в данном контексте (как это делает А.В.Гринёв) в значении «часть документа, получившая негативную ссылку, и сама ссылка на него»? Ведь часть документа – это, как и целый документ, суть *совокупность* информации (в традиционном понимании слова) и её *материального носителя*¹ – то есть употребление термина «информация» и в традиционном его восприятии здесь, строго говоря, некорректно: А.В.Гринёв отождествляет информацию с совокупностью информации и той части материального носителя, который её содержит («ссылку на эту часть» <документа>, также по А.В.Гринёву входящую в информацию, которую необходимо «остановить», рассматривать пока не будем).

Терминологически это неверно, но пусть информация будет «частью документа». Тем более, что «остановить» информацию в отрыве от того самого негативно процитированного документа (А.В.Гринёв пишет об «остановке» именно информации) было бы возможным, только забравшись в голову к субъекту, выделившему из этого документа соответствующие сигналы (см. [4, с.59] и сноску 7). Но поскольку такой вариант явно не рассматривается, следовательно, необходимо «закрывать» (или уничтожать; по последствиям это близко) «какую-то часть работы» (документа)². Но можно ли

¹ «В общем случае документ – это материальный носитель, на котором закреплена некоторая система знаков, которую человек способен воспринять как информацию. В частном случае знаки на документе закрепляют искусственным способом. В простейшем варианте функцию знака выполняет сам изучаемый объект, и тогда можно говорить об этом объекте как об аутентичном документе» [4, с.69]. Старое и привычное с молодости определение документа как материального объекта, содержащего «закреплённую информацию и «специально» предназначенного «для её передачи и использования» [5, с.122] является частным случаем этого общего определения и приложимо к научным документам. – *Прим. авт.*

² Прекрасно понимаю, что здесь возможен взрыв праведного негодования: кто, мол, говорит о «закрытии» части документа, если речь идет об «остановке информации». Однако, и в [1], и в [2] *никакой* конкретики о том, как осуществлять эту самую «остановку», не приводится. Автор [2] упрекнул меня в невнимательности прочтения его работы [1], но как я ни вчитываюсь, алгоритма «остановки информации» ни в одной из этих работ так и не приводится. Остаётся домысливать – и я вижу предложение о «закрытии» части документа (той самой, что получила

закрывать доступ к какой-то части работы («остановить какую-то некорректную часть работы»), не закрыв доступ к работе в целом? Технически, наверное, и это возможно, но сложности, связанные с «деталью» осуществления, оптимизма, мягко говоря, не вселяют. Документ, получивший негативную ссылку (кстати, обычно говорят о ссылках на документы, а не на фрагменты из них; и эти фрагменты ещё предстоит выделить гипотетическому эксперту А.В.Гринёва; причём его, эксперта, ответственности я не завидую и такую ответственность, к примеру, на себя ни за что не возьму), как и любой другой текст, обладает собственным онтологическим единством, и механическое изъятие из него какого-то (даже действительно неверного) фрагмента может нарушить адекватное восприятие оставшегося текста. При этом в изымаемом некорректном (даже если без кавычек) фрагменте могут содержаться и какие-то «зёрна истины», которые мог бы увидеть нетривиально мыслящий читатель, и полезные ссылки на цитируемые источники³. В общем, воля ваша, а со своим бедным воображением я и «остановку некорректной информации» даже и в виде блокировки доступа к *части цитируемого документа* не очень представляю. С учётом возможных «зёрен истины» и полезных ссылок, с учётом такой штуки как онтологическое единство текста – вообще сомневаюсь, что такая игра стоит свеч, будь цитируемый фрагмент и с тысячекратной гарантией неверным. И потом: *где в критикуемом мной* в [3, с.24] оригинале А.В.Гринёва [1, с.1000–1001] указано, что его «некорректная информация» – это именно «какая-то часть работы и ссылка на эту часть»? Для меня это очевидным не оказалось. А.В.Гринёв упрекает меня в невнимательном прочтении его текста, но и *писать* надо конкретнее, с по возможности бережным отношением к терминологии. В [1, с.1001] сказано, что «если вовремя не остановить некорректную информацию, то она будет размножаться, заражая тексты других учёных» – и только. Трактовка этой фразы – «говорится об информации (т.е. какой-то части работы и ссылке на эту часть), а не о статье в целом» [2] – предложена уже позднее. (Очевидна она или нет.) Но тексты – повторяю третий и последний раз – обладают онтологическим единством. Я уже не говорю о том, что существуют и тексты, воспринимаемые как *полностью* некорректные; и тогда блокировать их придется также полностью.

В самом деле, утверждают, что могут существовать *полностью* некорректные тексты, ссылки на которые делают «для демонстрации их псевдонаучного (лженаучного) характера» [6, с.15], – но точно так же утверждают, что существуют и «цитирования-поправки», т.е. цитирования «с целью указать на искажения, не играющие особой роли для обоснования выводов работы» (выделено мной – В.Л.) [6, с.15]. Тогда, по-видимому, в первом случае надо явно «останавливать» *всю* работу. (Вопреки сказанному в [2]). Но вот во втором – надо ли выискивать крохотный фрагмент с теми самыми искажениями, которые не играют особой роли для обоснования выводов работы? Насколько «заразна» такая «информация» и следует ли её останавливать? С другой стороны – как быть с текстами, которые воспринимаются как целиком абсурдные, но при этом были явно основаны исключительно на здравых и бесспорных предпосылках, положенных в основу авторских умпостроений, и содержали «зёрна истины»? Ведь есть и такие.

Теперь о том, что в «информацию», которую необходимо «остановить», А.В.Гринёв включает *саму ссылку* на ту часть цитируемой статьи, которая содержит «некорректное» (по мнению цитирующего) содержание. На первый взгляд, странное заявление: если мы «остановим» негативную ссылку на неверную часть документа, она станет недоступной, то есть перестанет сигнализировать о «некорректной информации»; не будет ли при этом достигнут эффект, прямо противоположный задуманному? Но, по-видимому, имеется в виду не это (опять приходится домысливать!), а просто то, что данная ссылка не будет зачтена в базах данных обычным способом, но будет где-то зачтена со знаком минус (см.: «негативная ссылка, которую, по идее, после проверки экспертами следует учитывать со знаком минус» [1, с.1000–1001]). Но мне трудно считать это «остановкой». (Механизмы этой загадочной «остановки» не были описаны в [1], не описаны они и в [2], так что по привычке приходится додумывать.) Ведь если имеется в виду, что «учёт со знаком минус» «остановит» негативно цитированную «информацию», то это не так. Пусть негативные цитирования проверены экспертами и сведены в какой-то особый указатель, но саму цитированную «информацию» (цитированный фрагмент документа) это не «остановит»: ведь документ, как уточняет А.В.Гринёв в [2] (предлагая считать, что эта мысль с очевидностью выражена и в [1]), остаётся доступным («Разве я предлагаю в своей статье лишить специалистов доступа к научным документам, получившим отрицательные ссылки? Об этом и речи не может быть» [2]). Но если об этом «и речи не может быть», то, собственно, *как* будет осуществлена ужаснувшая меня «остановка информации»? Отдельный учёт негативных ссылок мог бы сработать в качестве «тормоза», если бы информационный поиск специалисты проводили только по

негативную ссылку). Альтернативного варианта не просматривается. Конечно, «закрывать часть документа» – это тоже не очень конкретно, но представить себе пути практического осуществления такого «закрытия» уже можно. (Если я неправильно домыслил, так надо конкретнее, подробнее писать). – *Прим. авт.*

³ Источники, цитированные в том самом «некорректном фрагменте», следует исключать из списка литературы или нет? – *Прим. авт.*

указателям цитируемости. Но хотя уже с появлением в 1964 году “Science Citation Index” множество специалистов разыскивает необходимые документы действительно в соответствии с их цитируемостью, то другие пользуются, к примеру, ключевыми словами для поиска в базах данных. Поиск по профильным разделам реферативных журналов также никто не отменял. Как при этом создание «индекса негативных ссылок» «остановит» доступ исследователя к «некорректной», «заразной» информации, если этот исследователь и к обычному «традиционному» индексу цитирования при поиске информации не обращается?! Полагаю, что никак⁴.

Итак, в [1] не описан *никакой* механизм «остановки некорректной информации», нет его и в [2]; речь идёт лишь о том, что негативные ссылки «следует учитывать со знаком минус» [1, с.1000–1001] (весьма общая формулировка). Спрашивается, каким образом я должен был себе представлять это не описанное осуществление «остановки информации»? По-видимому, таким, который эту «остановку» *обеспечивал бы*. Что я и сделал. Плоды моего представления дали повод А.В.Гринёву воскликнуть «Надо внимательнее читать цитируемый текст!» [2]. Согласен, но надо также яснее и подробнее писать, не оставляя читателю возможности неверных толкований. Устал повторять: то, что написано в [1] – «остановку» *не обеспечивает*. Остаётся домысливать. *При этом я домысливал то, что вытекало из призыва об «остановке информации» А.В.Гринёва, а не приписывал ему* – как формулирует А.В.Гринёв – «уже совсем несурзные рекомендации, приправленные собственными домыслами» [2]. Формулировки эти похожи, но разница в смыслах всё-таки есть. Мало того, в аннотации [3] у меня было оговорено, что «желал того <...> автор или нет, а фактически речь <...> идёт о запрете дальнейшего доступа» [3, с.21] (выделено мной сейчас – В.Л.), что указывает не на злой умысел цитируемого автора, а на сомнительную *формулировку*. (Эту фразу – вместе со всей аннотацией – цитирует в своей новой работе и А.В.Гринёв [2]).

Вот ещё формулировка (она отсутствовала в [1]): после проверки текста независимой экспертизой «выносить вердикт о том, является ли критика справедливой и следует ли в дальнейшем делать ссылки на подобные творения и в каком виде их учитывать» [2] (выделено мной – В.Л.). Быть может, согласно А.В.Гринёву, именно она описывает «механизм остановки»? (Заметим, что опять приходится домысливать). Так это или нет, а фраза сама по себе кажется зловецей. Это значит: кто-то будет диктовать (речь ведь о «вердикте», а не о «рекомендации») учёным, какие документы им нельзя (хорошо, пусть «не следует») более цитировать. Прочитав о «вердикте», я уже не удивляюсь тому, я бы сказал, эмоциональному вниманию, которое А.В.Гринёв уделил «моей» (а на самом деле – В.В.Налимова) формулировке о самоорганизации научного сообщества: он пишет, что «в нашей стране <...> задача эта <...> абсолютно невыполнимая даже без давления правящей бюрократии» [2], и в рассматриваемом контексте с ним приходится согласиться: ведь если одни учёные будут выносить «вердикты» для других учёных о том, что не следует цитировать, то и бюрократического давления уже не потребуется. Правда, затем может уже не потребоваться и самой наукометрии: ведь искусственно «подправленные» данные о цитируемости (часть работ – а именно, попавшие под «вердикт» – изначально лишится возможности быть процитированной) могут исказить картину настолько, что будет впору отменять саму практику наукометрических оценок по причине изначально и искусственно созданной неполноты охвата и оценки документов. «Когда показатель становится целью для проведения политики, прежние эмпирические закономерности, использующие данный показатель, перестают действовать» [10, с.144]. Если это действительно так, то наука, переориентированная с производства знаний на производство показателей [11], то есть сделавшая (под бюрократическим диктатом) их своей целью, уже не может надеяться на то, что эти показатели отразят истинное состояние дел. Так оценивают специалисты возможные искажения в наукометрической оценке сегодня. Так что же, давайте ещё их «подправим» (то бишь, усугубим искажения), наложив запрет на цитирование части работ, – так, что ли?!

⁴ Не говоря уже о том, что гипотетический «индекс негативных ссылок» *может иметь и парадоксальный спрос* именно для поиска негативно цитированных документов – с разбросом мотивации такого поиска от злорадства до желания ознакомиться с предполагаемо перспективными, но не оцененными идеями: как напоминал я в [3, с.24], «значительное число ранних статей лауреатов Нобелевской премии отклоняются ведущими журналами в своих областях» [7, р.362] – и это напоминание Юджина Гарфилда. Также «не кто иной, как Юджин Гарфилд указывал по поводу отрицательных ссылок, что “не приходится полагать, что <именно> критики всегда правы” [7, р.362]» [3, с.23]. Негативное цитирование – это не «окончательный диагноз»; и многие учёные это прекрасно понимают. Так, к примеру, было показано [8], что многие статьи (по обучению представлениям), которые получили конфликтующие рецензии (т.е., в том числе – отрицательные) и были в итоге *отклонены* для презентации на соответствующей конференции, не только впоследствии были опубликованы, но и активно цитировались, причем те и из них, которые получили в итоге более 10 ссылок, были оценены авторами проведенного исследования, как содержащие «вносящие вклад идеи» (“impactful ideas”) [8, р.2416]. В другой работе было «показано, что инновационные работы не получают высокой оценки в существующем процессе рецензирования и, как следствие, часто отклоняются» [9, р.393]. Хотя речь здесь идёт не о цитируемости, а об экспертных оценках, картина знаменательная и она, кстати сказать, указывает на то, сколь немного может порой стоить «проверка экспертами» проблемных ссылок. – *Прим. авт.*

При этом: утверждение, что «самоорганизации научного сообщества в нашей стране» – это задача «абсолютно невыполнимая даже без давления правящей бюрократии» [2], в контексте обсуждаемых вопросов звучит мне упрёком в некомпетентности, т.к. я будто бы утверждаю (в оригинале: «с сожалением сообщаю» [2]; ну да – без радости), что давление бюрократии с использованием наукометрического инструментария привело к упадку самоорганизации российского научного сообщества [2]. Но есть разница между «сообщать» и «соглашаться». «”Научное сообщество в постсоветский период и, особенно, в последнее десятилетие оказалось обесструктуренным и обезволенным в результате подавления его самоорганизации государственной бюрократией” [12, с.10] (выделено мной – В.Л.)» [3, с.22] – вот что на самом деле стоит в моём тексте. *Дословная цитата* – не из моей работы. Я – скорее библиометрист, чем учёный, и я – гражданин Беларуси, а не России. Давать поэтому действительно ответственные оценки российским научным реалиям я предоставляю право *российским учёным*. Цитируемый выше Е.В.Семёнов [12] – из числа виднейших из них. Его формулировку я и процитировал. Я с ней *согласился*, но формулировка – *не моя*. Поэтому на тему присутствия или отсутствия самоорганизации в российской науке и необходимости бюрократии для ее подавления моему оппоненту следует спорить с Евгением Васильевичем Семёновым.

Должен также сказать, что мысль А.В.Гринёва о том, что будто бы затронутый мной (скорее – процитированный) «вопрос о самоорганизации научного сообщества в нашей стране» не имеет «прямого отношения к наукометрии» представляется мне, мягко говоря, и вовсе странной. Ведь автор самого термина «наукометрия» и классик наукометрии В.В.Налимов в своей классической монографии [13] (цитируемой в [1] и А.В.Гринёвым), рассматривая науку как информационную систему, трактует её следующим образом: «самоорганизующаяся система, управляющаяся своими информационными потоками» [13, с.6] (выделено мной – В.Л.). Далее мне в пору цитировать собственную – нещадно критикуемую А.В.Гринёвым – статью, где говорится: «Кажется очевидным, что именно развитие такого подхода к изучению науки и привело к появлению наукометрии» [3, с.21]. Должен сказать, что текст монографии [13, с.8–9] места для иных версий, как мне представляется, и не оставляет. Это (восприятие науки как самоорганизующейся системы, управляющейся своими информационными потоками [13, с.6], *обеспечившее* – согласно В.В.Налимову – *возможность исследования её количественными методами*, то есть *обеспечившее появление самой наукометрии* [13, с.9]) не имеет прямого отношения к наукометрии?! Полагаю, что не только имеет, но и вполне ясно указывает на недопустимость «подстройки» информационных потоков «под показатели», что лишает показатели их диагностического значения, превратив их из средства наблюдения за потоками в средство манипуляции ими... Здесь я могу заменить «средства манипуляции потоками» на «средство давления на научное сообщество и искажения общепринятой ранее в науке реальности» [14, с.5], умышленно повторив формулировку В.М.Тютюнника, которая, похоже, также раздражает А.В.Гринёва. Последний пишет: «В анализируемой статье идут лишь сеговования на чиновничий беспредел и пересказ по этому поводу мнений других исследователей и самого В.С.Лазарева. Так, он ссылается на работы В.М.Тютюнника <приводятся ссылки – В.Л.>, и делает вывод о том, что придуманные чиновниками критерии и наукометрические методические комплексы приводят в конечном итоге к производству учёным научного мусора. Процитирую В.С.Лазарева: “По выражению В.М.Тютюнника, “придумывание многочисленных искусственных критериев оценки эффективности науки привело к прямой конфронтации учёных и чиновников” [14, с.6], причём развитие тех наукометрических методических комплексов, которые по идее были предназначены чиновниками от науки для оценки *эффективности научной деятельности*, теперь вынуждает учёных заниматься “производством показателей” вместо производства знаний [11, с.76–79]. В сущности, это было неизбежно: или подстраиваешься под «систему оценки» и, как следствие, так или иначе включаешься в производство научного мусора, [...] либо попадаешь в аутсайдеры с соответствующими финансовыми потерями и потерями перспектив” [3, с.21–22].

Надо сказать, что это несколько упрощенное и максималистское утверждение» [2]... Здесь я прерву затянувшуюся цитату для того, чтобы обратить внимание на то, что в отрывке из моей публикации, цитируемой А.В.Гринёвым, изложена позиция не только В.М.Тютюнника, которая вызывает его (А.В.Гринёва) раздражение, но и уже упоминавшегося Е.В.Семёнова [11, с.76–79]. Вывод о том, что учёный вынужденно занимается «производством показателей» вместо производства знаний, – это вывод Е.В.Семёнова [11, с.76–79], и он приводился мной со ссылкой на соответствующую его работу Е.В.Семёнова, но эта ссылка А.В.Гринёвым в [2] не приводится; сама мысль в [2] процитирована, а ссылки на неё – нет, вот и получается, что цитируемая мысль – будто бы моя. (Ссылку в вышеприведенной цитате я был вынужден восстанавливать.) Равным образом после цитаты из В.М.Тютюнника [14, с.6] в [2] также нет соответствующей ссылки. (Но здесь упомянута фамилия). Нет в сокращённой А.В.Гринёвым цитате из моей работы и соответствующих отточий. (Кстати, в работе Е.В.Семёнова [11] также есть упоминания о вынужденном производстве научного мусора, лжесоавторстве, покупных публикациях – я же за эту же мысль получаю едва ли не упрёк). Но это всё и понятно: в одном месте проигнорирована мысль В.В.Налимова, в другом – Е.В.Семёнова; а теперь всё неудовольствие, вызванное несогласием с этими мыслями, обрушим (не на них, а) на согласного с ними Лазарева. Так

проще. Покойного классика высмеивать неудобно; да и с Е.В.Семёновым, видимо, полемизировать не очень хочется. Поэтому соответствующие дозы полемики, которых они избежали, направлены на меня. А вот В.М.Тютюнника А.В.Гринёв критикует без сомнений. Проф. Гринёв пишет: «Во-первых, чиновники при формировании наукометрических методических комплексов (проще говоря, совокупности наукометрических показателей) обычно используют не некие выдуманные ими искусственные критерии, а уже опробованные индикаторы типа индекса Хирша, изобретенного отнюдь не бюрократом, а физиком аргентинского происхождения Хорхе Хиршем». Но тут же уточняет: «Другое дело, что чиновники от науки, требуя использования *произвольно отобранных ими наукометрических критериев и показателей, далеко не всегда оптимальных (вроде индекса Хирша)*, зачастую совершенно не представляют последствий и результатов своих директив. Об этом уже не раз приходилось писать в ряде работ; это же неоднократно отмечали другие специалисты по проблемам библио- и наукометрии, *включая моего оппонента*» [2] (выделено мной – В.Л.). В свете этого уточнения возникает вопрос: так о чём А.В.Гринёвым вёлся спор? Да, В.М.Тютюнник использовал слово «придуманные». Не очень точное, но мне, к примеру, вполне понятное именно в значении «*произвольно отобранные*». «Почётное место» в их ряду занимает полюбившийся чиновникам индекс Хирша⁵. Но хотя А.В. Гринёв и называет индекс Хирша «опробованным индикатором» (видимо, чтобы подчеркнуть его известность), но, судя по своим дальнейшим формулировкам, он прекрасно понимает, чего в смысле адекватности оценки с его помощью данная «опробованность» стоит. Ещё раз слово проф. Гринёву: «чиновники от науки, требуя использования *произвольно отобранных ими наукометрических критериев и показателей, далеко не всегда оптимальных (вроде индекса Хирша)*, зачастую совершенно не представляют последствий и результатов своих директив. Об этом уже не раз приходилось писать в ряде работ; это же неоднократно отмечали другие специалисты по проблемам библио- и наукометрии, *включая моего оппонента*» [2] (выделено мной – В.Л.); а это значит: об этом писали многие, об этом писал я, об этом писал Лазарев. Ну, тогда и о чём здесь с Лазаревым спор? Ведь судя по формулировкам А.В.Гринёва, моё мотивированное отношение к методическому уродку под названием «индекс Хирша» [15, с.16] ему тоже известно. Стоило ли после этого напоминать, что Хирш – физик, а не бюрократ: ведь он – физик, невольно подаривший бюрократам желанный ими кнут? Но если проф. А.В.Гринёв в своей критической ипостаси выступает поборником чистоты терминологии, следовало бы блюсти её, так сказать, и в ипостаси созидательной. Между тем, рассмотренное выше употребление данным автором термина «информация», как я пытался показать, не бесспорно. Затем можно упомянуть оборот «критерии и показатели»⁶, который ещё более далёк от совершенства: ведь критерий – это один из показателей, наилучшим образом характеризующий оцениваемое непосредственно не измеряемое свойство и потому множественное число здесь абсолютно не уместно [16]. «Критерий в каждой конкретной задаче выбирается лишь один» [16, с.20]⁷.

Но продолжу цитировать А.В.Гринёва с фразы, начинающейся словами «об этом <т.е. о лишении специалистов доступа к научным документам, получившим отрицательные ссылки> и речи не может быть» [2]. Далее Андрей Вальтерович пишет: «тем более что пишу о необходимости сначала проверить текст сомнительных документов независимой экспертизе <так у А.В.Гринёва – В.Л.>, а уже потом выносить вердикт о том, является ли критика справедливой и следует ли в дальнейшем делать ссылки на подобные творения и в каком виде их учитывать» [2]⁸. Это сказано о его статье, но всё, что там (в [1]) реально сказано об экспертизе, это три слова «после проверки экспертами» [1, с.1000]. Сказано, быть может, и отчётливо, но всё же очень мельком. (Формулировка из [2] выглядит обстоятельнее). Куда более броско выглядел в [1] фрагмент «если вовремя не остановить некорректную информацию, то она будет размножаться, заражая тексты других учёных, особенно молодых». «Остановить, пока не размножилась, а не то заразит», – похоже на подготовку к отражению бактериологической атаки. Соответственно, данный посыл воспринимался в данном тексте как более весомый. Получалось, что А.В.Гринёв призывает заблокировать (а не то: уничтожить? Он ведь пишет «остано-

⁵ Нелепость этого индикатора отражает пример, процитированный мной в [15, с.16], в котором моделируется ситуация, когда «индексы Хирша первого и второго учёного одинаковы», но «суммарная цитируемость этих учёных отличается в 20 раз в пользу второго учёного» (http://eqworld.ipmnet.ru/ru/info/sci-edu/Polyanin_index_2014.html). (К сожалению, использованный мной в [15] интернет-источник несколько лет назад был закрыт.) Кроме того, известны попытки использования индекса Хирша для оценки сравнительного вклада в разные годы – а ведь «шаг назад» этот показатель по определению отразить не может, осуществляя *кумулятивную* оценку [15, с.16]. – Прим. авт.

⁶ Цитирую [2] ещё раз: «Другое дело, что чиновники от науки, требуя использования произвольно отобранных ими наукометрических критериев и показателей <...>» и т.д. – Прим. авт.

⁷ Можно возразить, что это сперва цитируемый мной В.М.Тютюнник использовал слово «критерии» [14, с.6] (множественное число), а А.В.Гринёв лишь процитировал чужую ошибку, разбирая его работу. Если это кем-то замечено, то отлично: тогда этот кто-то поймёт мои чувства, когда я читал критику в *свой* адрес, но в отношении *чужих* мыслей, а именно В.В.Налимова и Е.В.Семёнова, *цитируемых* мной. – Прим. авт.

⁸ По поводу слова «вердикт» я уже высказывался выше. – Прим. авт.

вить», но как это сделать, не лишив потенциальных пользователей доступа к «заразной информации», точнее, к документам или их фрагментам?) информацию, пока она не размножилась? А ведь ответственная экспертиза – дело не быстрое. Оно может и отстать от процессов «размножения» и «заражения» (судить о скорости которых при написании [3] у меня не получалось, т.к. в [1] эти отчасти требующие догадок читателя процессы вообще не были описаны). Если так, – значит, речь может идти об экспертизе самой формальной: главное же – заблокировать побыстрее. Отсюда и вытекал мой вывод: «значит, из его формулировок следует единственный вывод: работу, получившую негативную ссылку, следует ретрагировать, изолировать, уничтожить (нужное подчеркнуть). Причём делать это незамедлительно пока не распространилась «зараза». Если незамедлительно, то времени на серьёзную экспертизу уже нет: получила статья негативную ссылку и – на костер её?» [3, с.24]. Заметим: предложение А.В.Гринёва об экспертизе из моего поля зрения отнюдь не выпадало, но сказанное им было мной, так сказать, проранжировано в соответствии с подробностью и эмоциональностью его высказываний, которые я принимал за признаки их значимости для автора. (Помните мою оговорку о том, что сделанный мной вывод вытекает *независимо от того*, «желал того <...> автор или нет» [3, с.21]?) А то, что с образом костра я «перегнул палку», тут же мной и было признано [3, с.24]; и признание это А.В.Гринёвым было замечено [2].

Думаю, что три слова – «после проверки экспертами» [1, с.1000] – трудно считать полноценным призывом к экспертизе негативных цитирований. Но давайте будем считать, что он в [1] действительно полноценно прозвучал. Ну-с, и как же такую можно было бы осуществить? Мы уже говорили выше (сноска 11): установлено, что многие отклоненные рецензентами статьи не просто были впоследствии опубликованы, и не просто затем активно цитировались, но и оценивались как содержащие «вносящие вклад идеи» (“*impactful ideas*”) [8, р.2416]. (Причём, прогностическим признаком было как раз наличие «конфликтующих», противоречащих друг другу рецензий [8, р.2416], что показывает, как трудно быть эффективным, безошибочным «судьёй, проникающим в истину».) Главный результат другой цитированной в сноске 11 работы в том, что «инновационные работы не получают высокой оценки в существующем процессе рецензирования и, как следствие, часто отклоняются» [9, р.393]. Там же, в сноске 11, я цитировал, что «значительное число ранних статей лауреатов Нобелевской премии отклоняются ведущими журналами в своих областях» [7, р.362] – и это напоминание Юджина Гарфилда цитировалось и в моей предыдущей публикации о негативных ссылках [3, с.24]. Так ведь речь во всех трех случаях шла про *разовые* рецензирования, – а сколько уже возникает проблем с гарантированной верной оценкой. А здесь-то у нас речь о необходимости «*потоковой*» деятельности – да ещё и с *оперативным* её осуществлением.

Оказывается, что нереальность такой оценки негативных ссылок понимает и сам А.В.Гринёв: «Я предложил не только не учитывать негативные ссылки, но и засчитывать их со знаком минус. В то же время приходится признать, что проверять адекватность подобных ссылок в массовом порядке при текущем техническом обеспечении наукометрии вряд ли возможно (частично с этим могут справиться эксперты, но это очень *долго* и затратно). Остается уповать на развитие искусственного интеллекта (ИИ) вместе с массовой оцифровкой научных журналов и монографий при свободном доступе ИИ к содержащейся в них информации» [2] (выделено мной – *В.Л.*). Итак, получается, что реально позиция А.В.Гринёва такова: неплохо бы, – но пока невозможно⁹. Мы видим, что проверка «адекватности» негативных ссылок – невозможна, а «остановка» «некорректной информации» – не сработает. Не сработает и по причинам, приведённым мной выше, но также уже и потому, что практически невозможно эта самая проверка. Спрашивается, чего ради я ломал копыя в [3]? Ну, во-первых, в [1] признания про невозможность адекватной оценки негативных ссылок «на потоке» (фактически отменяющее само проведение такой оценки) ещё не было. Но в любом случае я считаю недопустимыми утверждения о том, что 1) практически любая негативная ссылка указывает на «некорректную информацию», а любой негативно процитированный автор является некомпетентным (эта позиция, вольно или невольно – допускаю это – получает развитие и в [2]), 2) эту якобы «некорректную информацию» необходимо «останавливать», 3) эта якобы «некорректная информация» является «заразной», т.е. как бы сама без участия учёных «заражает» их тексты. Так у А.В.Гринёва: «она будет размножаться, заражая тексты других учёных, особенно молодых» [1, с.1001]; на мой взгляд, «молодой учёный» выведен здесь недоумком, механически переписывающим чужой текст в собственный «труд». Больше о «заражении» в [1] ничего не сказано, но зато много сказано в [2], и я ещё коснусь соответствующего фрагмента ниже.

⁹ Перспективы передачи решения этого судьбоносного, на мой взгляд, вопроса – ведь речь идёт о *проверке оценки научного результата* – искусственному интеллекту и обсуждать не хочется. ИИ прекрасно управится с большими объёмами данных, успешно даст оценку средним работам, выполненным, так сказать, «в русле магистральных направлений»; но: доверять системе, являющейся лишь *имитацией*, оценку прорывных, пионерных результатов, не имеющих аналогов?! Не чрезмерен ли риск?! – *Прим. авт.*

Но прежде, чем мы перейдём к обсуждению «заражения текстов других учёных», замечу, что уже на данном этапе обсуждения я могу считать основную цель опубликования своей работы [3] выполненной: в своей контрпубликации [2] А.В.Гринёв чётко указывает на два крайне важных момента: он не призывает к закрытию доступа специалистов к научным документам, получившим отрицательные ссылки (хотя его тезис об «остановке некомпетентной информации» продолжает вызывать вопросы, быть может, можно теперь считать эти вопросы техническими?), и он признаёт невозможность быстрой и компетентной экспертизы негативных цитирований.

В своей реплике [3] я писал о недопустимости первой практики и практически отверг возможность выполнения второй («времени на серьёзную экспертизу уже нет» [3, с.24]). Теперь эта позиция в отчётливой форме подтверждена А.В.Гринёвым [2], что снимает моё беспокойство в отношении возможного вреда, который мог нанести соответствующий фрагмент работы [1, с.1000–1001] читателям. Это действительно важно, а упреки в непонятливости и избытке воображения [2] я переживу. Поэтому на этом можно было бы ставить точку, если бы не настойчивость А.В.Гринёва в отношении позиции о некомпетентности негативно цитируемых авторов и не фрагмент его работы о «заразности» негативно процитированной «информации». А ещё продолжение дискуссии с моей стороны стимулировано тем фактом, что Андрей Вальтерович видел одной из целей своей статьи [2] «заодно, проанализировать статью самого В.С.Лазарева» (т.е. [3]); причём разбирается она *вся*, in its entirety. Эта скрупулёзность побуждает меня быть значительно подробнее в своём ответе, чем я изначально желал и планировал.

Тезис А.В.Гринёва о «заражении текстов других учёных» вытекает из его отношения к негативно процитированному как к сугубо некомпетентному. («Негативная ссылка <...> приносит некомпетентному автору дополнительное цитирование. <...> Если вовремя не остановить некорректную информацию, то она будет размножаться, заражая тексты других учёных, особенно молодых» [1, с.1000–1001]). Или всё-таки автор [1; 2] допускает, что некомпетентность и некорректность имеют место преимущественно, а не сугубо? Во избежание домыслов, ему и слово: «В.С.Лазарев <...> вопрошает <Я почему-то «вопрошаю», а не спрашиваю – В.Л.>: “Но где гарантия именно *некомпетентности* автора? Возможно, он просто увлёкся, погорячился? Нужно было бы сказать “неправому” или “заблуждающемуся”. [3, с.23]. С сожалением должен оспорить это замечание моего уважаемого оппонента: постоянно сталкиваясь с некомпетентностью (порой просто вопиющей!) различных авторов, которые затрагивают в своих трудах те или иные проблемы истории Русской Америки. Посвятил этому несколько специальных статей, где приводятся многочисленные конкретные примеры. Эти статьи находятся в открытом доступе в Интернете, так что любой желающий, в том числе и мой оппонент, может легко убедиться в том, что речь не идёт о каких-то эмоциональных увлечениях и порывах, а именно о некомпетентности и непрофессионализме немалого числа отечественных авторов» [2]. Вот такая аргументация. А.В.Гринёв оспаривает меня, исходя из своего личного опыта. Но последний, однако, – не всеобъемлющ. Мне странно, что, аргументируя в [2] свой взгляд на негативное цитирование, А.В.Гринёв не желает видеть, что существуют точки зрения о различных его градациях. Но с цитированием так всегда и бывает: стоит наукометристам отбросить вроде бы и неверный, но методологически плодотворный принцип «Все ссылки равны» [17, р.89] и выделить хотя бы несколько «классов» (или «категорий») ссылок, как выясняется, что, следуя этим путём, он «тонет» в разновидностях цитирований, выделенных согласно всевозможным – и всегда кажущихся столь логичными – классификациям его мотивов или функций, которые могут быть красиво отработаны на маленьких выборках, но применение которых «в массовом порядке при текущем техническом обеспечении наукометрии вряд ли возможно» [2]. Предыдущую фразу я взял у самого А.В.Гринёва; она относилась у него самого к самому учёту «со знаком минус» всего-то *любых* негативных ссылок. (Понимая, насколько это непросто – сегодня ещё практически невыполнимо, – он, тем не менее, настаивает на их особом учёте [1; 2].) Между тем, если *развивать* идею особого учёта, всё окажется ещё сложнее: *негативные ссылки сами по себе действительно неоднородны*. Потому-то я и возразил в [3, с.23], что вызвавшее негативные ссылки высказывания цитируемого автора не обязательно продиктованы его некомпетентностью (как настаивает А.В.Гринёв). Однако в ответ получил цитированный выше контраргумент, основанный на опыте автора и представляющий собой убедительный набор примеров некомпетентности – набор убедительный, но на самом деле, увы, ровно ничего не доказывающий, поскольку я никогда и не говорил, что нет некомпетентных публикаций вообще, но подчеркивал, что негативные ссылки могут быть вызваны *не только* некомпетентностью цитируемых авторов, но и другими причинами. Цитирую: «Но где гарантия именно *некомпетентности* автора? Возможно, он просто увлёкся, погорячился? Нужно было бы сказать <не «некомпетентному», а> «неправому» или «заблуждающемуся». [3, с.23]. Согласитесь, что «неправый» может быть и «некомпетентным», что слово «неправый» может быть здесь обобщающим, – но утверждать, что *все* отрицательно цитированные авторы – некомпетентны, это, мягко говоря, слишком смело. А.В.Гринёв ссылается на свой опыт; я же на свой опыт ссылаться не буду (будучи, как и опыт моего коллеги, нерепрезентативным, он столь же бездоказателен), но сошлюсь на тот факт, что наши коллеги-

наукометристы дотошно рассматривали-таки *различные разновидности* того, что мы с А.В. Гринёвым называем «негативными ссылками». Так, в книге И.П.Суслова и Е.Д.Гражданникова под названием «Основы социальной статистики (курс лекций для студентов НГУ)» [18, с.279–280], помимо «негативного цитирования» выделяется т.н. «критическое цитирование», при котором «проводится анализ содержания цитируемой публикации и указываются её слабые стороны, но в целом исходные положения и выводы не отбрасываются, и не считаются ошибочными» [18, с.280]. Когда А.В.Гринёв в [2] уверяет, что, когда он призывает «остановить некорректную информацию» [1, с.1001], то говорит «о какой-то части работы и ссылке на эту часть <...>, а не о статье в целом» [2], не имеет ли он в виду «критические» цитирования (согласно [18, с.280])? При негативном же цитировании в терминологии [18] – то есть «когда в цитируемой публикации обнаруживают серьезные ошибки, и она *в целом* признается ошибочной» [18, с.280] (выделено мной – В.Л. Замечу, что и здесь говорится об «*ошибочности*», а не о «некомпетентности»), – получается, что вопреки заявлению А.В.Гринёва об «остановке» лишь части работы, «останавливать» её придется – как и в случае с работой «псевдонаучного (лженаучного) характера» [6, с.15] – *целиком*.

Но может быть, классификация ссылок согласно [18, с.279–280] или [6, с.14–15] – какая-нибудь экзотика? Вовсе нет: «частично негативное» и «полностью негативное» цитирование выделены в известнейшей работе Д.Чубина и С.Мойтры [19], считающейся в своем роде классической. В работе Э.К.-Ф.Ваттер [20] *практически использована* упоминавшаяся классификация [18, с.279–280], в которой разделены «критическое» и «негативное» цитирования (на очень небольшом массиве и при отсутствии реальных «содержательных выводов» [20, с.20]). В [6, с.14] хотя речь идет «только» об «отрицательных (негативных)» ссылках как *типе* цитирования, но таковых выделено целых *пять классов* – от «поправки» (минус один балл) до «обвинения» (минус пять баллов), которое осуществляется «для демонстрации <...> псевдонаучного (лженаучного) характера» таких работ [6, с.15]. Необходимость всего лишь «поправки», согласитесь, как минимум, не обязательно вызвана некомпетентностью цитируемого автора. Интересно (извините за назойливый повтор), в случае демонстрации «псевдонаучного (лженаучного) характера» [6, с.15] А.В.Гринёв действительно не будет призывать к «остановке» *всей* подобной публикации, как он несколько раз разуверяет читателя в [2]?¹⁰ В случае с «цитированием-поправкой», т.е. с цитированием «с целью указать на искажения, не играющие особой роли для обоснования выводов работы» [6, с.15]¹¹ он будет всё же призывать к «остановке» этого маловажного искажения? Как осуществлять его идеи об «остановке» с целью предотвращения «размножения информации» применительно к делению «отрицательного цитирования» на «уничжительное» и «нейтральное», если т.н. «отрицательное нейтральное цитирование» авторы соответствующей классификации относят и к цитируемым работам «среднего уровня» [22; 23]?

Цель этих моих вопросов – не в популяризации этих цитируемых классификаций. Их разбор был мной приведен лишь для того, чтобы показать, что, вопреки мнению А.В.Гринёва, которое он «с сожалением» приводит, оспаривая моё утверждение о том, что причиной негативных ссылок может быть не только некомпетентность цитируемого автора, но его эмоциональность, горячность, частное или временное *заблуждение* и т.д., *причиной негативного цитирования действительно может быть не только некомпетентность* цитируемого автора. Ведь, повторяюсь, к примеру, при «цитировании-поправке» (осуществляемом «с целью указать на искажения, не играющие особой роли для обоснования выводов работы» [6, с.15]) речь может идти просто о мелкой технической ошибке.

Что делать с тем фактом, что «все научные статьи в конечном итоге оказываются “неправильными” в том смысле, что все они заменяются чем-то лучшим» [24, р.92]?! Являются ли негативными ссылками ссылки на решения, которые улучшены или заменены на лучшие в цитирующей работе; должны ли «быть остановлены» соответствующие фрагменты публикаций?¹² Как нужно здесь трактовать «по Гринёву»?

¹⁰ Поскольку я и сейчас не могу понять, как такая «остановка» возможна помимо закрытия доступа к таким публикациям, должен протестовать против неё даже и в этом случае: подобные работы должны сохраняться – и это кажется совершенно очевидным – как возможные объекты историко-научных исследований. – *Прим. авт.*

¹¹ Я цитировал препринт, т.к. психологически проще – да и корректнее – работать с публикацией-оригиналом. Но эта же классификация ссылок, выражающих отрицательную оценку к цитируемому материалу, была опубликована и в «нормальной» статье [21, с.42]. – *Прим. авт.*

¹² В естественных науках (особенно в физических, химических и биологических экспериментах) разнообразие причин «негативных» результатов стремится к бесконечности (различные температуры, давления, влажности, механизмы протекания процессов...), но никто не считает их негативными, а лишь *иными*, обсуждая причины их отличий. Так, например, мне приходилось многократно на страницах авторитетнейших журналов, издаваемых АН СССР, полемизировать с оппонентом, который никак не мог согласиться с моими экспериментальными доказательствами необратимости реакции термической деструкции солевых форм сульфокатионитов в воздушной и водной средах. В этой полемике мы многократно цитировали друг друга, но не считали это негативом, а лишь разными подходами к объяснению научных данных. В то время, правда, наукометристы были не в почёте, и чиновники не замечали наукометрических показателей, а научная деятельность оценивалась не по

Рассмотрев (право же, бегло) эти классификационные нюансы, полагаю, что мои гипотетические трактовки [3, с.23], вызвавшие такое неудовольствие А.В.Гринёва, лежат вполне в русле известных наукометрических классификаций цитирований. Так что резоны для своего вопроса («Возможно, он просто увлекся, погорячился?») у меня были. Так ведь и это не всё. Автор самой первой русскоязычной наукометрической классификации ссылок А.И.Уёмов не только отмечал, что «гораздо легче заметить, что ссылка носит критический характер, чем выяснить справедливость этой критики» [25, с.34], но и предложил следующие «правила поглощения» разнородных ссылок друг другом: «наличие нейтрально информационной ссылки одновременно с творческой не препятствует признанию того, что в целом работа использована творчески. Наличие нейтральной ссылки также не препятствует критическому характеру работы <надо: «критической оценке» работы или, точнее, «учёту критической ссылки» на неё – В.Л.>. Наибольшее сомнение может быть связано с третьим правилом. Казалось бы, крайности должны нейтрализовать друг друга. Однако в данном случае одна из противоположностей преодолевает другую. *Наличие критики не ослабляет, а, наоборот, усиливает творческий характер использования источника*» [25, с.36] <выделено мной – В.Л.>. Это значит, что если на «работу» (научный документ) приходится как т.н. «творческая», так и «критическая» (в нашей с А.В.Гринёвым терминологии – «негативная») ссылка, то негативная («критическая») ссылка не учитывается¹³. Что в этом примере важнее всего? До то, что одна и та же работа может получить как резкую критику, так и горячее одобрение, причём и то, и другое выражено в библиографическом цитировании. Кто же из цитирующих был прав? И есть ли шанс у работы получить «творческую» ссылку, если она или её фрагмент – в соответствии с рекомендацией А.В.Гринёва – были «остановлены» после ссылки «критической»?! (И всё же: каким образом эту «остановку», если не путём блокировки доступа к документу или его части, можно осуществить?).

Ещё раз заметим: во всех моих вышеприведённых примерах, связанных с наукометрическими классификациями цитирований, нет и речи о ссылках на фрагменты. Везде «засчитывались» ссылки на научные документы в целом.

В работе [2] содержится интересный поворот: утверждается, что «некомпетентность – это ещё полбеды. Хуже, когда приходится сталкиваться с откровенным плагиатом». Можно, конечно, здесь поговорить и о плагиате (это действительно проблема!), но вот только плагиат я в [3] не обсуждал, и обсуждать не мог: ведь он не обсуждался и в исходной работе А.В.Гринёва [1]. В [1] вообще не упоминалось о том, что он может быть причиной негативных ссылок. Более того, «прокручивая» в памяти публикации с обсуждением «негативных ссылок», не могу припомнить ни одной, где плагиат назывался бы их причиной (специально ничего не проверяю). Негативную ссылку на статью, содержащую плагиат, А.В.Гринёв делает непосредственно в своей полемической работе [2], приводя пример плагиата. Убедительнее были бы примеры каких-либо предыдущих публикаций. Ни одна из известных мне наукометрических классификаций цитирований (часть из них упоминалась выше) также не содержит подкласса «негативное цитирование, обусловленное плагиатом» [26–28]. Возможно, А.В.Гринёв действительно обнаружил новый аспект «негативного цитирования», – но в таком случае этот его аспект заслуживает более подробного и внятного описания. (Аспект, кстати сказать, весьма интересный, его обсуждение достойно приведения убедительных примеров из опубликованной научной литературы, а не примера, созданного уже в ходе написания своей полемической статьи).

В новой статье А.В.Гринёва приводится пример того, «каким образом “размножается” некорректная информация» [2] (в исходной статье [1] никаких примеров этого процесса не приводилось – приходилось домысливать). Итак, А.В.Гринёв пишет: «Ещё в 2011 г. <...> д.и.н. А.Ю.Петров вместе с несколькими соавторами опубликовал статью в “Вестнике Российской Академии наук”, в которой, в частности, писал: “Наследие Русской Америки как историко-культурный феномен мы предлагаем рассматривать в разных аспектах. В узком смысле – это Аляска, группы Алеутских островов, поселения в Калифорнии, на Гавайских, Курильских и Командорских островах. Это район деятельности Российско-американской компании, управлявшей данными территориями в 1799–1867 гг. В широком смысле мы понимаем Русскую Америку как Новый Свет, новые рубежи в сознании наших предков. “Америка” – термин, который обозначает не столько континент, сколько новую, неизвестную землю, границу. Только в первой половине XIX в. из России отправилось более 50 кругосветных экспедиций. Они составили гордость отечественного флота, привели к качественным изменениям в науке, ведь было сделано немало крупных географических открытий. Важно подчеркнуть, что конечной целью практически всех экспедиций была Аляска, а снаряжены они были на средства Российско-американской компании (РАК). Без понимания этого фактора и должной оценки финансово-хозяйственной деятельности РАК в России и

количественным показателям, параметрам и критериям, а по качеству полученных научных результатов, которое могли оценить лишь сами учёные, а после их использования – и все люди. – *Прим. гл. ред.*

¹³ На самом деле в вопросе о «нейтрализации» учёта «критических ссылок» А.И.Уёмов идёт даже гораздо дальше [25, с.36], но нам сейчас безразличны эти детали. – *Прим. авт.*

за её пределами крайне сложно составить «русский глобус» и изучать российское наследие за рубежом. Поэтому в широком смысле под Русской Америкой мы подразумеваем страны и регионы, которые посетили участники российских кругосветных экспедиций» <...>. Затем эта информация была дословно воспроизведена в двух статьях проф. Т.В.Браиловской <...>. Сам А.Ю.Петров в нескольких более поздних работах также с небольшими разночтениями повторил основные положения только что процитированного пассажа.

Вот таким образом происходит «размножение» некорректной информации в научных трудах. Но некорректность надо ещё доказать» [2]. Что А.В.Гринёв и делает, аргументированно разрушая картину, написанную широкими мазками А.Ю.Петровым с соавторами...

Здесь мы на время остановимся для нескольких комментариев. Во-первых, ничего подобного не приводилось в статье [1], получившей мою критику [3]: я мог реагировать на то, что в [1] в явной форме присутствовало. Там не было ни убедительного примера «размножения некорректной информации», ни вообще какого бы то ни было. Фактически там было сказано: получил негативную ссылку, – значит, твоя информация некорректна. Если её не остановить (что начинается с выявления, проверки и специфического учёта негативной ссылки), она заразит «тексты других учёных, особенно молодых» [1, с.1001]. Примера «заражения», повторю, не приводилось. Здесь же – всё наоборот: здесь есть пример «заражения», но *нет ни слова* о негативном цитировании. Здесь приведён пример стилистически добротного текста, который – на взгляд неспециалиста, – может быть, не грех и процитировать (со знаком *плюс*). При этом произойдёт «размножение», действительно ничуть не похожее на мою карикатуру [3, с.24]. Всё бы хорошо, но... *где негативные ссылки* на описываемую А.В.Гринёвым статью А.Ю.Петрова с соавт., которые и свидетельствовали бы о том, что эта последняя суть дичь и ересь?! Ситуация из серии «вот тебе и раз»: автор требует учёта негативных ссылок, который поспособствовал бы «остановке» некорректной информации, предотвращению её «размножения» и, в целях прояснения картины и вразумления непонятливого оппонента, приводит пример «размножения» некорректной информации, никак не связанный с появлением негативных ссылок на неё. (Если я ошибаюсь, почему такие ссылки не приведены?). Вместо этого А.В.Гринёв громит эту статью прямо сейчас, в [2]. Он пишет: «Поэтому подробнее проанализирую этот отрывок для неспециалистов на предмет того, стоит ли цитировать его в дальнейшем и какой ссылки он заслуживает. Сразу уточню, что Российско-Американская компания никогда не управляла Гавайскими островами: лишь в 1815–1817 гг. служащие РАК пытались закрепиться на одном из островов этого тропического архипелага, но крайне неудачно <...>. А что означает загадочная фраза: “В широком смысле мы понимаем Русскую Америку как Новый Свет, новые рубежи в сознании наших предков” – даже не возьмусь комментировать, так как не являюсь профессиональным психиатром. Совершенно непонятно, каким образом главный научный сотрудник ведущего академического института и его соавторы смогли выявить некие “рубежи” в сознании предков столетия назад. С помощью каких методов? Каким образом эти таинственные психические явления в мозгах предков определили наследие Русской Америки как историко-культурный феномен в широком смысле слова? Нельзя не задать и следующий вопрос: почему “Америка” – это термин, “который обозначает не столько континент, сколько новую, неизвестную землю, границу”? Разве Америка и граница – это синонимы? Кроме того, авторы анализируемого отрывка ошибаются, когда пишут, что в первой половине XIX в. из России отправилось более 50 кругосветных экспедиций, снаряженных РАК. На самом деле их было меньше, так как не все корабли возвратились с Тихого океана на Балтику. Поэтому полноценных кругосветных экспедиций состоялось менее 30, причём из них только 10 были организованы на средства Российско-Американской компании, а остальные были посланы в заграничные плавания Морским министерством <...>. Правда, ещё четыре кругосветных плавания совершили корабли, фрахтованные РАК в Финляндии, но даже вместе с ними итоговая цифра будет куда меньше 50. Полагаю, также, что для изучения русского наследия за рубежом (предположим, в Германии или Франции) вовсе необязательно детально знать русские кругосветные экспедиции и финансово-хозяйственную деятельность РАК, на чем настаивает А.Ю.Петров и его напарники. Наконец, натягивая Русскую Америку с помощью отечественных кругосветных экспедиций на весь Земной шар, словно сову на глобус, они фактически трансформируют понятие “Русская Америка” (в широком смысле) из “новых рубежей в сознании наших предков” в чисто материальные географические объекты – “страны и регионы, которые посетили участники российских кругосветных экспедиций”. Поскольку в ходе этих дальних морских походов российских моряков была открыта Антарктида (1820), то и она, согласно А.Ю.Петрову с соавторами, должна обозначаться как “Русская Америка”. Вам не кажется все это достаточно странным? И стоит ли после этого анализа цитировать и делать сноски на эту информацию? Очень сомневаюсь» [2].

Вот что в своём новом тексте [2] нашёл сказать А.В.Гринёв о негативных ссылках, как о сигнале, указывающем на необходимость «остановки некорректной информации» в целях недопущения её «размножения»: он сделал такую ссылку прямо в этой своей работе [2], но *ни одного* предыдущего примера негативных ссылок на рассматриваемую «заразную» статью в научной литературе *он не при-*

вёл. То есть прямо сейчас им доходчиво объясняется этой статьи некорректность, но хотя бы единого предыдущего примера негативной ссылки, которая должна была спровоцировать сомнение в её корректности, нет. Приведены примеры ссылок *позитивных* («Затем эта информация была дословно воспроизведена в двух статьях проф. Т.В.Браиловской» [2].) Но и это не всё. Ведомый научной частностью (хвала ему за это!), А.В.Гринёв, сам себе противореча, проговаривается, что в таких ситуациях негативные ссылки *делать вообще не стоит*. Цитирую ещё раз в извлеченном виде: «И стоит ли после этого анализа цитировать и делать сноски на эту информацию? Очень сомневаюсь» [2]. (Перечитайте вслух 10 раз).

Итак, данный пример не содержит описания негативных ссылок как предтечи «проверки экспертами» [1, с.1000] «некорректной информации» [1, с.1001] и, напротив, подводит читателя к выводу, что *делать ссылки на дикие нелепицы не стоит*. Ученые, как правило, их и не делают.

Эта мысль отнюдь не нова, и впервые я встретил её всё в той же классической работе В.В. Налимова 1969 года¹⁴: «в точных и естественных науках всякого рода нелепые и абсурдные работы не цитируются – учёные слишком заняты, чтобы тратить время на обсуждение нелепых теорий, даже если с позиций широкой публики они иногда и кажутся сенсационными» [13, с.117]. Здесь, правда, говорится о «точных и естественных науках», а рассматриваемый А.В.Гринёвым пример относится к наукам историческим, но это лишь подтверждает «широту действия» данной закономерности. Напротив, «ошибка, достаточно важная для того, чтобы быть формально опровергнутой» [7, р.362], может служить «конструктивной цели прояснения, фокусирования и стимулирования?» [7, р.362] – как я уже и цитировал в [3, с.23], приводя на той же странице собственный пример негативного цитирования, отражавший плодотворное использование мной опровергаемой части работы.

В рассматриваемом примере А.В.Гринёва интересно именно то, что он содержит примеры *позитивных* ссылок на абсурдные, как было им показано, утверждения: в обеих своих статьях Т.В. Браиловская предваряет длинную дословную цитату из работы А.Ю.Петрова с коллегами формулировкой «справедливо предлагают рассматривать междисциплинарность и многоаспектность истории и наследия Русской Америки» (цит. по [2]). «Справедливо» – куда уж позитивнее! Негативных ссылок, по-видимому, не нашлось (к чему «тратить время на обсуждение нелепых теорий» [13, с.117]?), но «обыкновенные», «позитивные» ссылки, свидетельствующие о не критическом усвоении цитируемого, – вот они. Что, в принципе, нормально: Т.В.Браиловская *использовала* этот текст и, соответственно, *процитировала* его. За этими ссылками стоит некорректная информация, но они на её некорректность никак не намекают. Всё это лишь иллюстрирует тот факт, что цитируемость по определению отражает не *качество* цитируемых документов (как бы ни желали того многие мои коллеги) [29], но их *использование* (а – посредством отражённого использования – отображает их *ценность*) [29; 30]. Ценность и качество – разные свойства, хотя часто результаты их оценки могут совпадать. Собственно, именно вследствие явного или неявного принятия неверной посылки «цитируемость отражает качество», и возникает, как мне представляется, время от времени борьба с негативными ссылками. Между тем, даже сторонник исключения негативных ссылок из наукометрического анализа С.В.Марвин [31] согласен со мной в том, что «любое добросовестное цитирование отражает ценность цитируемой публикации (что не равно её качеству)» [31, с.294]. «Отрицательные ссылки на научные публикации следует исключить из <...> библиометрических расчётов», по его мнению, не всегда, а «если поставить целью отражать в наукометрических показателях только ту составляющую ценности, которая максимально коррелирует с качеством» [31, с.294]. Но, как видно из приведенного выше А.В.Гринёвым примера, и этой меры может оказаться недостаточно: на некачественные работы могут указывать и позитивные ссылки. Но это и понятно: причинно-следственной связи между качеством и цитируемостью нет; имеющаяся связь – всего лишь вероятностная [29]. Причинно-следственная связь есть между *использованием* и цитируемостью [30]. Но используется не обязательно качественное.

Здесь может возникнуть любопытный вопрос: является ли моё цитирование работы А.В.Гринёва [2] на протяжении четырёх предыдущих абзацев негативным или позитивным? По правде говоря, на этом этапе обсуждения это не имеет для меня ровно никакого значения: разбирая его примеры, я находил новые аргументы в защиту своего видения ситуации; а это – плодотворное использование материала (как бы цитирующий автор при этом к нему не относился). (Пример плодотворного негативного цитирования также приводился мной в [3, с.23].) Но с рассмотрением работы [2] в названных абзацах данной моей статьи всё ещё сложнее: её формулировка «И стоит ли после этого анализа цитировать и делать сноски на эту информацию? Очень сомневаюсь» цитировалась мной именно «в *позитивном* смысле»: разумеется, я с ней согласен. Я считаю при этом, что в данной формулировке А.В.Гринёв сам себе противоречит: ведь речь у него шла о негативных цитированиях, но с них он перешёл на исповедание (совершенно правильной) идеи о том, что бредовые работы и негативных ссылок не достойны. Так какое у меня здесь цитирование? «Подтверждающее» или «негативное»? Да Бог его знает; мне всё равно. Ведь на этом примере (можно и его считать искусственным, но я – без-

¹⁴ Ещё и со ссылкой на публикацию 1963 года, которую мне найти не удалось. – *Прим. авт.*

условно, первый комментатор работы [2], и более ранних цитирований этой работу просто быть не может; соответственно этот пример пока обречён быть единственным) ясно видно, что один и тот же текст может получать как позитивные, «подтверждающие», так и негативные ссылки. Как быть в таком случае с ними в рамках идей А.В.Гринёва? Однако такой вопрос не встанет, если считать проблему негативных ссылок надуманной.

Лично мне интереснее другое: если в моей предыдущей работе [3] в случае с цитированием статьи А.В.Гринёва [1] «имело место т.н. “цитирование – любовная атака”» [7, р.361] – весьма редкая разновидность цитирований, при котором цитируемая работа не стимулирует идеи цитирующей (если не считать таким стимулом страх за пути развития предметной области и чисто эмоциональное воздействие цитируемого документа на цитирующего автора), то применительно к данной моей статье новая работа А.В.Гринёва [2] уже служит источником вдохновения. Цитирования её мной в этой моей статье (за исключением оговоренной выше формулировки «И стоит ли после этого анализа цитировать и делать сноски на эту информацию? Очень сомневаюсь») – сплошь отрицательные! Но никакой это не парадокс; и в этой связи можно ещё раз спросить: так стоит ли, имея в виду такие примеры, «выделять в отдельное производство» негативные ссылки?

Предположим, что моя публикация [3] – полная чушь, и действительно должна была быть оценена строго отрицательно. Однако она простимулировала (пусть «спровоцировала», это неважно; важен результат) А.В.Гринёва представить в [2] более развёрнутые аргументы по обсуждаемым вопросам, высказаться более подробно, развить и попытаться лучше сформулировать соответствующие идеи. Налицо использование А.В.Гринёвым этой работы и результат этого использования. При этом в своей публикации [2] он остро критикует практически каждую формулировку моей небольшой статьи; то есть его оценка качества моей публикации [3] – самая уничижительная. Но, помимо качества, документ обладает таким свойством, как *ценность*. И «именно ценность <документа> обнаруживается по факту <его> использования в согласии с её определением» [31, с.289]¹⁵. Если так, то точно ли будет несправедливым учёт цитируемости работы [3] или необходимо, как выражается А.В.Гринёв, ссылки на неё «засчитывать со знаком минус» и каким-то загадочным образом «останавливать» часть информации из неё (хотя, пожалуй, что и всю: ведь в [2] атакована *вся* моя маленькая статья-реплика). То есть и при такой трактовке происходит то, о чём я писал, в том числе, и в [3], а именно: *благодатное воздействие на автора такой работы, которая была оценена им категорически негативно и, соответственно, была негативно процитирована*. Цитирую: «Мне уже неоднократно доводилось писать (впервые эта мысль прозвучала у меня в 2017 г.), что негативно процитированные публикации, как правило, используются при создании цитирующей работы в качестве стимула, “катализатора” более убедительного представления авторской мысли, аргументации. Вот как это было изложено в публикации 2017 г.: “если меня спросят: “Как же быть со статьей О.В.Михайлова, на опровержение аргументации которой ты потратил столько эмоций, столь обильно при этом её цитируя: она, что же, тоже по твоей логике, ценная?”, я отвечу: “Безусловно, да: разбирая её, я находил новые пути, да и поводы, для изложения своего взгляда на проблему”. <...> Что же до её качества, мой ответ совсем иной (напомним, что характеристики качества зависят от познающего объекта, что “качество находится в разуме смотрящего” [32, р.31]). И так, “отрицательные ссылки” являются не досадными шумовыми помехами в общем потоке цитирований, а, быть может, тончайшей его составляющей для выявления ценных, но не обязательно качественных работ” [33, с.12]» [3, с.23]¹⁶. Далее: «Совсем недавно мне довелось рассматривать точку зрения, заключающуюся в том, что при негативном цитировании не происходит использования цитируемого научного материала [6, с.15]. Но если разбор какой-то работы либо какой-то её части помогает автору находить новые аргументы для своей точки зрения, новые, более подробные и убедительные пути изложения своего взгляда на проблему, то эта работа, получая даже яростное “отрицательное цитирование”, служит стимулятором для совершенствования работы цитирующей. Это – её (цитируемой работы) использование, потому что <...> само слово “использование” означает употребление “кого-, что-л. для какого-л. дела”, нахождение применения “кому-, чему-л.” [34] или приложение “чего-то, например, инструмента <...> для определённой цели” [35]. При этом цитируемую научную публикацию можно рассматривать как инструмент» [3, с.23]¹⁷.

¹⁵ Понятию и определению ценности документа посвящена моя статья [30]. Исповедуемое определение – см. [30, с.183]. – *Прим. авт.*

¹⁶ Этот важный пассаж А.В.Гринёвым прокомментирован в [2] не был. – *Прим. авт.*

¹⁷ Определения из неспециализированных словарей приведены в связи с отсутствием определения понятия «использование документа» в словарях специальных. В этой же связи имеет смысл воспроизвести фрагмент моей статьи [33], которая недавно по необходимости приводилась и в моей статье, специально посвящённой ценности документа [30]: «Во-первых, использование, разумеется, включает в себя прочтение (а не беглый просмотр) документа, но не сводится к нему. Во-вторых, под использованием понимается не прочтение “для ознакомления”, но включение содержания прочитанного в содержание создаваемого <...> документа. Грубо говоря: нет создаваемого документа – нет и реального использования. <...> Можно сказать “нет возможности оценить использование”, но мы предпочитаем предыдущую формулировку, поскольку предварительное обдумывание

Теперь о самоцитировании. А.В.Гринёв пишет: «мой оппонент укоряет меня за то, что предлагаю не учитывать при подсчете цитирований ссылки автора на свои работы» [2]. Но моё замечание «Между тем, неясностей достаточно» [3, с.22] – это вряд ли «укор»; это – указание на признаваемую мной *дискуссионность* данного вопроса, возможность его неоднозначной трактовки. Далее в моём тексте указано, что целесообразным может быть «давнее предложение самоцитирование учитывать, но с весовым коэффициентом в три раза меньшим, нежели у «полноценной» ссылки [21, с.42] – и это также бесспорное выражение сомнения. После приведения своих аргументов «за самоцитирование» я пишу: «Но оправдывает ли всё сказанное выше возможное включение самоцитирований в наукометрические оценочные расчёты? Я в этом вовсе не уверен» [3, с.23]¹⁸. Получается, что всего этого А.В.Гринёв, сам призывавший меня «внимательнее читать цитируемый текст» [2], не заметил, хотя его контраргументы на тему «самоцитирование следует бесспорно исключать» по объёму больше замеченного им моего отрывочка из о самоцитировании [3, с.22–23], против которого они направлены. Они, в частности, включают в себя декларацию о том, что сам А.В.Гринёв старается «воздерживаться от самоцитирования без самой крайней необходимости, чтобы избежать обвинений в саморекламе и увеличения таким способом собственных наукометрических параметров, включая индекс Хирша» [2]. Я лично считаю, что важнее в полноте донести свои мысли и аргументы, нежели избежать обвинений в саморекламе, но всё это – и с моей, и с его стороны – слова. На деле А.В.Гринёв тут же оговаривается, что его «данная статья <т.е. [2] – В.Л.> исключение <из 27-и цитирований в ней – 11 самоцитирований (40,7%) – В.Л.> из-за пожеланий моего оппонента по этому вопросу, поскольку он полагает, что самоцитирования могут быть прекрасным источником подробной и углубленной информации по искомой тематике» [2]. Полагаю, что высокая доля самоцитирований вызвана не желанием автора оказать мне любезность, а именно объективной потребностью в привлечении фактов, описанных в цитированных работах. Рассматривая ссылки, посвященные критике некомпетентных публикаций, видишь: «всё по делу». Притом эта часть ссылок (ссылки №15-18 в его статье [2]) именно и может служить «прекрасным источником подробной и углубленной информации по искомой тематике»¹⁹. Собственно, для того они сознательно и приведены. См. у А.В.Гринёва: «Эти статьи находятся в открытом доступе в Интернете, так что любой желающий, в том числе и мой оппонент, может легко убедиться в том, что речь не идет о каких-то эмоциональных увлечениях и порывах, а именно о некомпетентности и непрофессионализме немалого числа отечественных авторов <далее: номера цитируемых источников>» [2]. Какой же смысл – после того, как для читателя были приведены ссылки на конкретные источники, которые сам автор хотел бы порекомендовать читателю, – заявлять, что «хотя самоцитирование, действительно, может служить источником информации по искомой тематике, но не продуктивнее ли обратиться в таком случае к данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), задействовать GoogleScholar (GoogleАкадемию), сам Google и другие подобные информационные ресурсы?» (выделено мной – В.Л.)?! Ведь реально в своей статье А.В.Гринёв отсылает читателя не к каким-то данным РИНЦ, и не в Google, а к *собственным конкретным работам*. Это говорит о том, что в одних случаях предпочтителен один источник, а в других – другой; противопоставления же здесь не уместны. Какие документы будут связаны с интересующей читателя работой ближе, нежели процитированные в ней? Если и цитирующая работа, и её тематика в целом интересны читателю, то к каким документам ему следует обратиться в первую очередь: процитированным в ней или отражённым GoogleАкадемии?.. Кстати, РИНЦ, это – индекс *цитирования*, источником «его» данных являются те самые списки цитированных источников, использовать которых для информационного поиска не очень-то рекомендует – в отличие от РИНЦ – А.В.Гринёв.

идеи на основе прочитанного документа <...> не обязательно приводит к созданию научного результата. <...> Учёт поисковой читательской деятельности – отражает <лишь> потенциальное использование – даже, пожалуй, предполагаемое. В работе [36, р.8] мы определяли реальное использование как “сравнение и усвоение идей или методов, их обсуждение (включая опровержения!) в конкретной творческой работе”... С этой точки зрения чтение для ознакомления, за которым не следует конкретное вовлечение прочитанного материала в конкретную творческую работу, не является реальным использованием, но лишь предпосылкой к нему» [33, с.9]. – *Прим. авт.*

¹⁸ В данной, по необходимости куда более подробной статье, нежели [3], отмечу также, что моя позиция аналогична выраженной в работе [37], где отмечено, что, хотя «Бонзи и Снайдер [38] обнаружили, что мотивация для самоцитирования в основном такая же, как и для цитирования других людей», всё равно «неясно, как обращаться с самоцитированием в рамках использования цитирований в качестве оценочных индикаторов» [37, р.437]. – *Прим. авт.*

¹⁹ С.Бонзи и Х.Снайдер [38] отмечали, что «существует множество причин, по которым самоцитирование может быть желательным и даже необходимым»: названы такие, как обсуждение релевантных документов, исключение повторов в цитирующем тексте, указание на объект, который подлежит совершенствованию [38, р.245]. На мой взгляд, все они и сводятся именно к тому, что самоцитирование – необходимый и полезный источник информации. – *Прим. авт.*

Далее А.В.Гринёв напоминает, что «квоты на самоцитирование устанавливаются редакциями журналов с целью пресечения злоупотреблений на этой почве, в частности, накрутки наукометрических показателей» [2]. Но никто с этим общеизвестным фактом и не спорил, и благой характер издательских намерений совершенно ясен. Речь у меня шла о другом: о том, что «установление нормативных и жёстких квот самоцитирования <...> режет по полноценности <...> <цитирующего> источника» [3, с.23]. Дело вовсе не в самом количестве и даже не в доле самоцитирований: если в одной статье и одного самоцитирования будет избыточно много²⁰, в другой же – и десяти самоцитирований окажется недостаточным для полноценного раскрытия темы. В журнале «Научный редактор и издатель» в 2019 году я писал следующее:

«Журналы порой борются с «неуместным» самоцитированием, определив «квоту уместности» равной 20–30%. Да, чисто *эстетически* большее количество самоцитирований выглядит порой не очень красиво. Но они могут быть абсолютно необходимы! А если статья методическая, более того, – посвященная созданию и применению метода, тогда они и неизбежны... И ради соблюдения «квоты» автор вынужден либо накручивать ненужные ссылки <на чужие работы>, либо сокращать необходимые собственные. И то и другое – разрушение такой функции библиографических ссылок, как отражение информационных связей в науке. Какая уж тут научная этика... А ведь всё начиналось с благих, с этической точки зрения, намерений: не допустить неправомерного самоцитирования. Но на неправомерность тех или иных ссылок должен, на наш взгляд, указывать рецензент (равно, как и на пропуск в статье указания на важные предыдущие работы других учёных), а механически принятая квота – это ещё одно прокрустово ложе...» [15, с.17]. Эти мысли не вызвали никакого противодействия в редакции этого журнала, который является официальным изданием Ассоциации научных редакторов и издателей Российской Федерации; у А.В.Гринёва же такая точка зрения вызывает полное отторжение. Во-первых, у проф. Гринёва нет сомнений в благодетельном характере квотирования самоцитирования. Во-вторых, он категорически не согласен с тем, что определением излишних самоцитирований (не на основании квот!) должен заниматься рецензент («из статьи В.С.Лазарева с удивлением узнал, что, оказывается, именно рецензент (а не корректор или редактор журнала) должен удалять из поданной на рецензию рукописи излишние самоцитирования. Никогда даже в голову не приходило подобное при отзывах на работы отечественных и зарубежных ученых. <...> [Л]езть в текст поданной на экспертизу рукописи и принудительно удалять из них подобные ссылки вряд ли позволит рецензенту редакция любого журнала» [2]). Но резонен встречный вопрос: если не рецензент, то кто?! Ведь предполагается, что *именно рецензент является специалистом* в той же области, что автор представленной в журнал статьи. Если это действительно так (понятно, что шансов оказаться таковым у него больше, чем у редактора, который имеет дело с куда более обширной тематикой; редактор может оказаться компетентным специалистом по вопросам, отражённым в статье с предполагаемо неоправданным самоцитированием, лишь благодаря совпадению, «везению»), то только он, рецензент (в отличие от редактора и уж тем более от корректора), сможет компетентно судить о том, какие самоцитирования действительно являются неоправданными – и есть ли такие. А.В.Гринёв пишет, что ему при рецензировании делать это и в голову не приходило – так, может быть, это оттого, что неоправданных самоцитирований в рецензированных им статьях банально и *не было?*²¹ Что же до того, что «принудительно удалять из них <рецензированных статей – В.Л.> подобные ссылки вряд ли позволит рецензенту редакция любого журнала» [2], то рецензент ничего принудительно и не делает: он *рекомендует*. Да, порой в очень жёсткой форме, да, порой это больше похоже на ультиматум, – но сам он при этом ничего из статьи не вычёркивает²². По-видимому, слово «очищать», употреблённое мной в [3, с.23] в соответствующем контексте было воспринято моим уважаемым оппонентом как «вычёркивать» (в [15, с.17] у меня точнее: «на неправомерность тех или иных ссылок должен, на наш взгляд, указывать рецензент»). Если так, стоит ли ему удивляться моему восприятию его формулировки о том, что нужно «остановить некорректную информацию»?

...После того, как сломано столько копий, А.В.Гринёв завершает свою статью следующим призывом: «В заключении надо сказать, что поднятые в статье В.С.Лазарева вопросы учёта самоцитирования и негативных ссылок далеко не самые важные в наукометрии. <Тире отсутствует, потому что так а оригинале – В.Л.>. На мой взгляд (не устаю об этом писать почти в каждой крупной работе по наукометрии), гораздо более серьёзной проблемой при наукометрических расчётах выступает соавторство, которое не позволяет объективно определить реальный вклад учёного в науку и по сути сво-

²⁰ Помню, как читал в конце 1970-х одну статью в сборнике. Она начиналась примерно так: «В своей прошлой публикации я писал о <приводится формулировка предыдущей темы>. Исследование <приводится формулировка тематики цитирующей статьи, никак с предыдущей статьёй вообще не связанная> также интересно». (Я не шучу!) Ясно, что *такая «ссылка»* притянута за уши и совершенно неправомерна. – *Прим. авт.*

²¹ Точно знаю, что в моей рецензентской практике мне не доводилось «бороться» с неправомерным самоцитированием: именно потому, что не встретилось ссылок, воспринимавшихся мной подобным образом. – *Прим. авт.*

²² Думается, проблема в другом: увлечённость редакций журналов «слепым» рецензированием – серьёзное препятствие для выполнения рецензентами такой функции. – *Прим. авт.*

дит к нулю объективность наукометрии как научной дисциплины в области, связанной с человеческим фактором. <...> Сюда же можно добавить однократный учёт ссылок в наукометрических подсчётах и совершенно неудовлетворительную работу РИНЦ как библиометрической базы <...>. Наверное, было бы куда полезнее сосредоточиться на решении этих, куда более насущных задач».

Итак, идёт дискуссия по маловажной проблеме? Но если это так, то стоило ли автору этого высказывания продолжать разговор на столь маловажную тему? С другой стороны, как можно считать незначительным, скажем, вопрос о негативных ссылках, впервые в русскоязычной литературе поднятый, по-видимому, не позже 1968 года [25] – и до сих пор не нашедший решения?! Другое дело, что складывается ощущение, что слишком многие серьёзные авторы стремятся рассмотрения этого вопроса избежать. Как писал я в [3, с.22], «проблема негативных ссылок» (вместе с т.н. “проблемой самоцитирования”) достаточно бездумно муссируется в наукометрической литературе. Автору этих строк приходилось неоднократно сталкиваться с глубокими, всесторонне взвешенными текстами, посвящёнными анализу метода «цитат-индекс», которые заканчивались, однако, буквально ритуальной фразой о том, что метод-де, несмотря на то-то и то-то, всё же совершенен, поскольку существуют негативные ссылки и “неоправданное” (кто эту неоправданность установил?!) самоцитирование. При этом, как правило, не приводилось никакой аргументации для данного утверждения, а если и приводилась, то она непременно была многократно более легковесная, чем та, что относилась к прочим суждениям о методе».

...Перечитывая статью А.В.Гринёва [2], чтобы убедиться, что в своём ответе я ничего существенного не пропустил, я заметил и такую его формулировку: ему «за 10 лет удалось издать несколько десятков статей преимущественно в академических журналах США и Западной Европы, индексируемых в Scopus и WoS, которые, как известно, не печатают всякий интеллектуальный мусор. Любой может легко в этом убедиться, направив свою работу в один из подобных журналов» [2]. Проговорка мощная: получается, что если автору процитированных строк печататься в них получается, то вам, читатели, так просто это вряд ли удастся: ведь «всякий интеллектуальный мусор» они не публикуют. Не слишком ли предвзятое отношение к «любому»? Как-то после этого и желание дискутировать пропадает: разве смогу я в чём-то убедить своего оппонента, будучи автором, который за последние 10 лет «отметился» всего-то пятью публикациями в журналах дальнего зарубежья, индексируемых в Scopus и WoS²³ (с учётом индексируемых в Scopus и WoS белорусских журналов – больше, но и с ними я до «нескольких десятков» никак не дотягиваю)²⁴!?

²³ Кстати, что касается мотивации непринятия статей подобными рейтинговыми журналами, не связанной с тем, что поданный материал является «интеллектуальным мусором», – вот вам и мой ничего не доказывающий пример из практики: одну из работ с моим участием, представленных в такой журнал, отказывались публиковать без выполнения такого условия, как *замены* русскоязычных *ссылок* на англоязычные [39]. Заботясь об удобстве своих читателей, журнал фактически подталкивал нас, авторов, к манипуляции ссылками, включению работ, которые не использовались при создании рассматриваемого журналом текста, и исключению работ, реально использованных при её написании. Объективно – это уже мошенничество со стороны редакции уважаемого журнала, ведущее к искусственной накрутке репутации западных коллег и усечению репутации русскоязычных авторов. Субъективно – инициатор данного условия «явно “хотел как лучше”»: он указывал на то, что цитируемые нами работы *их* читателем неизвестны, а “мы не можем проверить, верно ли сделаны ссылки”. И мы проглотили бы это требование <...>. Но в разряд “неизвестных авторов” <...> попала Ирина Владимировна Маршак, автор прорывного метода анализа “ко-цитирования” <...>, – а это уже тот уровень невежества, который <...> можно считать клиническим» [15, с.17–18]. В результате мы отказались выполнять подобное условие и напечатали статью в неиндексируемом в Scopus/WoS журнале. Но при этом лично у меня сложилось ощущение, что для исходного журнала важнее отбора качественного материала было удержание любой ценой величины его импакт-фактора. «Ах, не упадёт ли интерес специалистов при их столкновении с непонятными ссылками?» – такой виделась гипотетическая логика «хозяев» журнала. Мало того, само гражданство авторов описываемой в той же статье методики «заставило» представителя одного из рейтинговых журналов думать, что сами методические особенности были «следствием специфических местных <...> условий», которые поэтому якобы «не представляют интереса для западных читателей» (цитируется письмо одного из редакторов – этот пример описан мной в [40, р.93]). Конечно, этот наш опыт может считать «локальным» и нерепрезентативным, однако, он заставляет усомниться, что при оценке статьи рейтинговыми журналами забота о качестве её содержания действительно всегда приоритетна. Кстати, насчёт «нерепрезентативности» я, возможно, и преувеличил. Вернее будет сказать, что тенденция дискриминации статей, в которых не преобладают англоязычные ссылки, – имеется, хотя и недостаточно изучена. О её наличии свидетельствует хотя бы электронная публикация-отклик на наше письмо [39], описывающая подобный же опыт польского автора [41] – отклик весьма эмоциональный (напр., «на протяжении многих лет мне говорили, что я не должен делать ссылок на польские публикации, <...> должен <...> объяснять, почему я ссылаюсь на них»; “тем не менее, рецензенты продолжают предполагать, что международная аудитория журнала обладает глубокими и подробными знаниями, скажем, о Великобритании, в то время как она никогда не слышала об экзотической Польше» и т.п.) и появившийся весьма оперативно – всего через два дня после нашей публикации [39]. – *Прим. авт.*

²⁴ Вольное или невольное ассоциирование публикаций в журналах, не индексируемых в Scopus и WoS, с «интеллектуальным мусором», вытекающее из предыдущей цитаты из А.В.Гринёва, даёт мне повод заметить: в снос-

В заключение замечу: действительно убеждён, что проблема негативных ссылок во многом надуманная, т.к., за редчайшими исключениями ссылок «любовой атаки» [7, р.361], негативные ссылки приходится на документы, анализ которых (разбор, критика, уточнения, опровержение и пр.) стимулируют творческую мысль автора, помогают отточить его аргументацию, формулировки и пр. Всё это относится к *использованию* цитируемых документов [30, с.178–187] и, соответственно, указывает на их ценность [30, с.183]. Что же до оценки их *качества*, то каузальных связей между цитированием и качеством вообще нет (имеются связи вероятностные) [29], и поэтому нельзя говорить, что сохранение в наукометрическом учёте негативных ссылок искажает соответствующую оценку. Такие ссылки являются «не досадными шумовыми помехами в общем потоке цитирований, а, быть может, тончайшей его составляющей для выявления ценных, но не обязательно качественных работ» [33, с.12]. При этом следует иметь в виду, что, по мнению различных авторов, существуют *разные виды* негативных ссылок, которые, соответственно, – если соглашаться с необходимостью особого учёта негативных цитирований – требуют различных подходов к их учёту и/или их исключению из такового. Мало того, известна попытка отнесения к «нейтральному цитированию» как «положительных», так и «отрицательных» цитирований с признанием возможности «отрицательного нейтрального цитирования» научных работ «среднего уровня» [22, с.409; 23, с.108], а это уже – фактическое стирание граней между позитивными и негативными ссылками²⁵. Вообще стоит только обратить внимание на неоднородность «негативных» [6; 18] («отрицательных» [6; 21; 22; 23], «критических» [25; 18; 23] и т.п.) ссылок, как возникает логичное желание «сделать следующий ход» и обратить внимание на неоднородность также ссылок «позитивных», а затем озаботится и их дифференцированным учётом. Однако выполнять его на потоке тем более нереально [26–28]. Также следует иметь в виду, что на заведомо некорректные работы приходится немалая доля *позитивных* ссылок, о чём свидетельствует сам А.В.Гринёв [2]; в этих случаях избирательный учёт ссылок негативных ничему не поможет. Наконец, не существует реальной возможности осуществлять «проверку негативных ссылок экспертами», о которой упоминает А.В.Гринёв в [1] и современную нереальность выполнения которой он фактически признаёт в [2].

Что же касается «остановки некорректной информации», которая предполагается может быть выявлена с помощью учёта и экспертных оценок негативных цитирований, то никаких её механизмов мне не удалось заметить и в новой работе А.В.Гринёва [2]. На мой взгляд, логически из данного тезиса может следовать только призыв к ограничению доступа к соответствующим документам. Однако в работе [2] чётко указано, что «об этом и речи не может быть». Это – чрезвычайно важный момент данной работы. Сам же по себе избирательный учёт негативных ссылок (пусть и сопровождающийся их экспертной оценкой) такую остановку, полагаю, обеспечить не может.

Что до проблемы самоцитирования, то она остаётся дискуссионной как в наукометрии (в каких случаях и в какой форме оно должно учитываться и должно ли оно учитываться вообще?), так и в практической деятельности редакторов и издателей. Точка зрения автора заключается в том, что об избыточности самоцитирований (которые зачастую, не просто неизбежны, но и весьма полезны!) следует судить рецензентам индивидуально – применительно к каждой отдельной поступающей для опубликования работе. (Здесь возможны различные схемы, но обсуждение данных деталей в задачи автора не входит).

Литература

1. Гринёв, А.В. Использование наукометрических показателей при оценке публикационной активности в современной России // Вестник Российской Академии наук. – 2019. – Т.89, №10. – Р.993–1002. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-58738910993-1002>.
2. Гринёв, А.В. Проблема совершенствования наукометрических оценок и «инквизиторская» остановка негативно процитированных публикаций // Информационные процессы, системы и технологии. – 2025. – Т.5, №1(33). – С.5-12. DOI: 10.52529/27821617_2025_6_1_5.
3. Лазарев, В.С. Как желание совершенствования наукометрической оценки привело к предложению об инквизиторской «остановке» негативно процитированных публикаций // Информационные процессы, системы и технологии. – 2024. – Т.5, №3(31). – С.21–25. DOI: 10.52529/27821617_2024_5_3_21.

ке 24 мной упоминалась моя формулировка [36, р.8], опубликованная в малоизвестном неиндексируемом (и, кажется, уже не существующем) журнале, и она приведена именно по этому источнику, т.к. она сама была частью другой приводимой мной в этой работе цитаты из более поздней моей статьи. Однако эта же мысль была ясно сформулирована и в моей статье [42, р.273], которую к той более поздней цитате формально не «привяжешь», но которая (в отличие от [36]) была опубликована в *весьма рейтинговом* журнале, «всякий мусор не публикующем». Поэтому – как свой эмоциональный ответ на формулировку, ассоциирующуюся с «мусором», – даю здесь ссылку и на [42]. (Какую статью из двух я сам ценю выше – [42] или [36] – вопрос другой). – *Прим. авт.*

²⁵ Можно рассматривать многочисленные разновидности негативных ссылок, но можно обнаружить и одну из единичных успешно применённых классификаций, в которой «опровергающие» цитирования являются лишь одной из двух разновидностей цитирований «трансформирующих» (наряду с подтверждающими) [43, р.133]. Применительно к этой классификации можно также, вероятно, говорить о стирании граней между отрицательными и положительными ссылками. – *Прим. авт.*

4. Столяров, Ю.Н. Сущность информации. – М.: ГПНТБ России, 2000. – 106 с.
5. Терминологический словарь по информатике. – М.: МЦНТИ, 1975. – 752 с.
6. Гражданников Е.Д., Сорокина Т.В. Наукометрические методы библиографического поиска. – Новосибирск, 1976, – 19 с. (Препринт 06-76. Ин-т теплофизики СО АН СССР; 06-76).
7. Garfield, E. Is citation analysis a legitimate evaluation tool? // *Scientometrics*. –1979. – Vol.1, No.4. – P.359–375.
8. He, J., Chen, Ch. The citation of papers with conflicting reviews and confident reviews // *Proceedings of the 17th International Conference on Scientometrics and Informetrics, September 2-5, Rome, Italy / International Society for Scientometrics and Informetrics*; Eds.: Catalano G., Daraio C., Gregori M., Moed H. F., Ruocco G. – Rome: Edizioni Efesto, 2019. – Vol.2. – P.2411–2417.
9. Brezis E.S., Birukou A. Arbitrariness in the peer review process // *Scientometrics*. – 2020. – Vol.123, No.1. – P.393–411. <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03348-1>.
10. Москалёва О.В., Акоев М.А. Наукометрия: немного истории и современные российские реалии // *Управление наукой: теория и практика*. – 2019. – Т.1, №1. – С.135–148. DOI: 10.19181/sntp.2019.1.1.5.
11. Семёнов, Е.В. Производство показателей как механизм подавления производства знаний, технологий и компетенций. *Управление наукой: теория и практика*. – 2020. – Т.2, №1. – С.69–93. DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2020.2.1.4>.
12. Семёнов, Е.В. Науке необходимы свобода и востребованность // *Управление наукой: теория и практика*. – 2023. – Т.5, №2. – С.10–11.
13. Налимов В.В., Мульченко З.М. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса. – М.: Наука, 1969. – 192 с.
14. Тютюнник, В.М. Эффективность науки: к 120-летию Нобелевских премий // *Наука, технологии, общество и Международное Нобелевское движение: Материалы Нобелевского конгресса – 12 Международной встречи-конференции лауреатов Нобелевских премий и нобелистов, 2-5 окт. 2019 г., г. Тамбов (Россия)*. – Тамбов; М.; СПб.; Баку; Вена; Гамбург; Стокгольм; Буаке; Варна; Ташкент: изд-во МИНЦ «Нобелистика», 2019. (Тр. МИНЦ. Вып.7). – С. 6–10.
15. Лазарев, В.С. Власть библиометрических иллюзий над ленивыми, профанация плодотворных идей и проклятье «парабиблиометрической» оценки науки // *Научный редактор и издатель*. – 2019. – Т.4, №1–2. – С.12–20. DOI: 10.24069/2542-0267-2019-1-2-12-20.
16. Мотылев, В.М. Содержание и соотношение понятий „показатель” и „критерий” // *Советское библиотековедение*. – 1985. – №1. – С.14–23.
17. Smith, L.C. Citation analysis // *Library Trends*. – 1981. – Vol.30, No.1. – P.83–106.
18. Суслов, И.П. Основы социальной статистики: (курс лекций для студентов НГУ) / И.П.Суслов, Е.Д.Гражданников. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 1973. – 307 с.
19. Chubin, D.E. Content analysis of references: Adjunct or alternative to citation counting? / D.E.Chubin, S.D.Moirta // *Social Studies of Science*. – 1975. – Vol.5, No.4. – P.423–441. DOI: 10.1177/030631277500500403.
20. Ваттер, Э.К.-Ф. О структуре научных ссылок // *Научно-техническая информация*. Сер.2. – 1975. – №5. – С.17–20.
21. Гражданников, Е.Д. Проблемы критериальной оценки научных результатов // *Проблемы развития научно-образовательного потенциала*. – Новосибирск: Наука, Сибир. отд-е, 1987. – С.24–46.
22. Холушкин, Ю.П. К проблеме критериальной оценки научных результатов / Ю.П.Холушкин, Е.Д.Гражданников // *Научный альманах*. – 2016. – №8-1(22). – С.403–411.
23. Холушкин, Ю.П. Дифференцированная классификация цитирования: некоторые подходы // *Научные и технические библиотеки*. – 2017. – №9. – С.104–113. DOI: 10.33186/1027-3689-2017-9-104-113.
24. Moravcsik M.J., Murugesan P. Some results on the function and quality of citations // *Social Studies of Science*. – 1975. – Vol.5, No.1. – P.86–92. DOI: 10.1177/030631277500500106.
25. Уемов, А.И. Учёт многообразия ссылок в науковедческом анализе // *Проблемы науки управления и применение вычислительной техники для автоматизации и механизации управленческого труда : тезисы докладов Республиканской научно-технической конференции. Секция 5: Организация и управление научными исследованиями*. – Киев: УкрНИИИТИ, 1968. – Ч.1. – С.34–38.
26. Лазарев, В.С. Из истории наукометрических классификаций цитирований. Первые две работы и русскоязычные публикации. Часть 1 // *Управление наукой: теория и практика*. – 2024. – Т.6, №4. – С.143–162. DOI: 10.19181/sntp.2024.6.4.8. EDN MEXRYZ.
27. Лазарев, В.С. Из истории наукометрических классификаций цитирований. Первые две работы и русскоязычные публикации. Часть 2 // *Управление наукой: теория и практика*. – 2025. – Т.7, №1. *В печати*.
28. Лазарев, В.С. Из истории наукометрических классификаций цитирований. Первые две работы и русскоязычные публикации. Часть 3 // *Управление наукой: теория и практика*. – 2025. Т.7, №2. *В печати*²⁶.
29. Лазарев, В.С. «Цитируемость отображает качество»: взгляд на иррациональную составляющую данно-го утверждения, усилия по борьбе с ней и понимание нерешённых проблем терминологии как фактора, усугуб-

²⁶ В тезисной форме вторая и третья части этой работы доступны в сборнике: Лазарев, В.С. Из истории наукометрических классификаций цитирований. 2. Русскоязычные публикации // *Библиотеки в информационном обществе: сохранение традиций и развитие новых технологий. Тема 2024 года – «Библиотечно-информационная деятельность в среде меняющихся социальных условий и технологических инноваций»*: докл. VI Междунар. науч. конф., Минск, 5-6 дек. 2024 г. / Белорус с.-х. б-ка им. И.С.Лупиновича Нац. Акад. наук Беларуси; редкол.: Ю.О.Каракулько (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2024. – С.242–268. – *Прим. авт.*

ляющего наукометрические предрассудки // Информационные процессы, системы и технологии. – 2024. – Т.5, №3(31). – С.5–20. DOI: 10.52529/27821617_2024_5_3_5.

30. Лазарев, В.С. О ценности научного документа. Часть 2 // Управление наукой: теория и практика. 2024. – Т.6, №1. – С.165–197. DOI 10.19181/smp.2024.6.1.9

31. Марвин, С.В. О ценности, качестве и отрицательном цитировании научных публикаций // Эргодизайн. – 2024. – №3 (25). – С.288–296. DOI: 10.30987/2658-4026-2024-3-288-296.

32. Williams, I.A. IFs and buts // *Chemistry in Britain*. – 1996. – Vol.32, No.2. – P.31–33.

33. Лазарев, В.С. Научные документы и их упорядоченные совокупности: цитируемость, использование, ценность // Международный форум по информации. – 2017. – Т.42, №1. – С.3–16. Адрес доступа: <http://lamb.viniti.ru/sid2/sid2free?sid2=J15472040>.

34. Евгеньева, А.П., ред. Словарь русского языка: В 4-х т. 4-е изд., стер. – М.: Русский язык; Полиграфресурсы; 1999. – Т.1: А–Й. – 702 с. Адрес доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.

35. Use // *Cambridge Dictionary*. Адрес доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/use/>.

36. Lazarev, V.S. Properties of scientific periodicals under bibliometric assessment // *International Journal of Information Sciences for Decision Making*. – 1997. – No.1 (December). – P.1–17. – Available at: http://isd.univ-tln.fr/PDF/isdm1/isdm1a6_lazarev.pdf.

37. MacRoberts M. H., MacRoberts B. R. Problems of citation analysis // *Scientometrics*. – 1996. – Vol.36, No.3. – P.435–444. DOI: 10.1007/bf02129604.

38. Bonzi S., Snyder H. W. Motivations for citation: A comparison of self citation and citation to others // *Scientometrics*. – 1991. – Vol.21, No.2. – P.245–254. DOI: 10.1007/bf02017571.

39. Lazarev V.S., Nazarovets S.A. Don't dismiss non-English citations // *Nature*. – 2018. – Vol.556, No.7700. – P.174. DOI: 10.1038/d41586-018-04169-2.

40. Lazarev, V.S. Manipulation of bibliometric data by editors of scientific journals // *European Science Editing*. – 2019. – Vol.45, No.4. – P.92–93. DOI: 10.20316/ESE.2019.45.19011.

41. Galasiński, D. A foreigner in academia. 14 Apr. 2018. (E-resource) Available at: <https://dariuszgalasinski.com/2018/04/14/foreigner-academia/>.

42. Lazarev, V.S. On chaos in bibliometric terminology // *Scientometrics*. – 1996. – Vol.35, No.2. – P.271–277. DOI: 10.1007/BF02018485.

43. Latour B., Woolgar S. (1986 (1979)): *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press. – 294 p. <https://studylib.es/doc/9380687/bruno-latour---laboratory-life> 15.01.2025

References

1. Grinev, A.V. (2019) Use of scientometric indicators in assessing publication activity in modern Russia. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, vol.89, no.10, pp.993–1002. (In Rus.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869-58738910993-1002>.

2. Grinev, A.V. (2025) The problem of improving scientometric assessments and the “inquisitorial” termination of negatively cited publications *Information Processes, Systems and Technologies*, vol.6, no.1(33), pp.5–12. (In Rus.) DOI: 10.52529/27821617_2025_6_1_5.

3. Lazarev, V.S. (2024) How the desire to improve scientometric assessment led to the proposal for an inquisitorial “termination” of negatively cited publications. *Information Processes, Systems and Technologies*, vol.5, no.3(31), pp.21–25. (In Rus.) DOI: 10.52529/27821617_2024_5_3_21

4. Stolyarov, Yu. N. (2000) *The essence of information*. Moscow: Russian National Public Library for Science and Technology, 106 pp. (In Rus.)

5. *Dictionary of informatics terms* (1975) Moscow: International Center for Scientific and Technical Information, 752 pp. (In Rus.)

6. Grazhdannikov, E.D., Sorokina, T.V. (1976) *Scientometric methods of bibliographic search*. Novosibirsk: AN SSSR, 19 pp. (Preprint 06-76. Institute of Thermophysics, SB of the USSR Academy of Sciences; 06-76) (In Rus.)

7. Garfield, E. (1979) Is citation analysis a legitimate evaluation tool? *Scientometrics*, vol.1, no.4, pp.359–375.

8. He, J., Chen, Ch. (2019) The citation of papers with conflicting reviews and confident reviews. In: *Proceedings of the 17th International Conference on Scientometrics and Informetrics, September 2-5, Rome, Italy*. Rome: Edizioni Efesto, vol.2, pp.2411–2417.

9. Brezis, E.S., Birukou, A. (2020) Arbitrariness in the peer review process. *Scientometrics*, vol.123, no.1, pp.393–411. <https://doi.org/10.1007/s11192-020-03348-1>.

10. Moskaleva, O., Akoev, M. (2019) Scientometrics: a little bit of history and modern Russian realities. *Science Management: Theory and Practice*, vol.1, no.1, pp.135–148. (In Rus.) DOI: 10.19181/smp.2019.1.1.5.

11. Semenov, E.V. (2020) Production of indicators as a mechanism for suppression of production of knowledge, technology and competencies. *Science Management: Theory and Practice*, vol.2, no.1, pp.69–93. (In Rus.) DOI: <https://doi.org/10.19181/smp.2020.2.1.4>.

12. Semenov, E.V. (2023) Science needs freedom and demand. *Science Management: Theory and Practice*, vol.5, no.2, pp. 10–11. (In Rus.)

13. Nalimov, V.V., Mulchenko, Z.M. (1969) *Scientometrics. The Study of Science as an Information Process*. Moscow: Nauka, 192 pp. (In Rus.)

14. Tyutyunnik, V.M. (2019) Effectiveness of Science: On the 120th Anniversary of the Nobel Prizes. In: *Science, Technology, Society and the International Nobel Movement: Proceedings of the Nobel Congress – 12th International Meeting-Conference of Nobel Prize Laureates and Nobelists, October 2-5, 2019, Tambov (Russia)*. Tambov; Moscow; St. Petersburg; Baku; Vienna; Hamburg; Stockholm; Bouake; Varna; Tashkent: Publishing House of the International Nobel Information Centre “Nobelistics”, 2019. (INIC Transactions, issue 7), pp.6–10. (In Rus.)

15. Lazarev, V.S. (2019) The power of bibliometric illusions over the lazy, the profanation of fruitful ideas and the curse of parabiometric evaluation of science. *Nauchnyi Redaktor i Izdatel' = Science Editor and Publisher*, vol.4, no.1–2, pp.12–20. (In Rus.) DOI: 10.24069/2542-0267-2019-1-2-12-20.
16. Motylev, V.M. (1985) The content and correlation of the concepts of “indicator” and “criterion”. *Sovetskoe bibliotekovedenie [Soviet Librarianship]*, No 1, pp.14–23. (in Rus.)
17. Smith, L. C. (1981) Citation analysis. *Library Trends*, vol.30, no.1, pp.83–106.
18. Suslov, I.P., Grazhdannikov, E.D. (1973) *Fundamentals of social statistics : (lecture course for NSU students)*. Novosibirsk, 307 pp. (In Rus.)
19. Chubin, D.E., Moirta, S.D. (1975) Content analysis of references: Adjunct or alternative to citation counting? *Social Studies of Science*, vol. 5, no.4, pp.423–441. DOI: 10.1177/030631277500500403.
20. Vatter, E. K.-F. On the structure of scientific citations. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya [Scientific and Technical Information]*. Ser.2, no.5, pp.17–20. (In Rus.)
21. Grazhdannikov, E.D. (1987) Problems of criteria-based evaluation of scientific results. In: *Problems of Development of Scientific and Educational Potential*. Novosibirsk: Nauka Publ., Siberian Branch, pp.24–46. (In Rus.)
22. Kholushkin, Yu.P., Grazhdannikov, E.D. (2016) On the problem of criteria-based evaluation of scientific results. *Nauchnyi al'manakh. [Scientific Almanac]*, no.8-1(22), pp.403–411. (In Rus.)
23. Kholushkin, Yu. (2017) Some approaches to classification of citation (on the archaeological materials). *Scientific and Technical Libraries*, no.9, pp.104-113. (In Rus.) <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2017-9-104-113>.
24. Moravcsik, M. J., Murugesan, P. (1975) Some results on the function and quality of citations. *Social Studies of Science*, vol.5, no.1, pp.86–92. DOI: 10.1177/030631277500500106.
25. Uemov, A.I. (1968) Taking into account the diversity of references in science studies analysis. In: *Issues of Management Science and the Use of Computer Technology for Automation and Mechanization of Managerial Work: Abstracts of the Republican Science and Technology Conference. Section 5: Organization and Management of Scientific Research*. Kiev: Ukrainian Research Institute of Scientific and Technical Information, part 1, pp.34–38. (In Rus.)
26. Lazarev, V.S. (2024) From the history of scientometric citation classifications. The first two works and Rusophone publications. Part 1. *Science Management: Theory and Practice*, vol.6, no.4, pp.143–162. (In Ru.). DOI: 10.19181/sntp.2024.6.4.8.
27. Lazarev, V.S. (2025) From the history of scientometric citation classifications. The first two works and Rusophone publications. Part 2. *Science Management: Theory and Practice*, vol.7, no.1. (In Rus.). *In press*.
28. Lazarev, V.S. (2025) From the history of scientometric citation classifications. The first two works and Rusophone publications. Part 3. *Science Management: Theory and Practice*, vol.7, no.2. (In Rus.). *In press*.
29. Lazarev, V.S. (2024) “Citation reflects quality”: a view of the irrational component of this statement, the efforts to combat this component, and an understanding of unresolved terminology problems as a factor exacerbating scientometric prejudices. *Information Processes, Systems and Technologies*, vol.5, no.3(31), p.5–20. (In Rus.) DOI: 10.52529/27821617_2024_5_3_21.
30. Lazarev, V.S. (2024) On the value of a scientific document. Part 2. *Science Management: Theory and Practice*, vol. 6, No 1, pp. 165–197. (In Rus.) DOI: 10.19181/sntp.2024.6.1.9.
31. Marvin, S. V. (2024) On the value, quality and negative citation of scientific publications. *Ergodesign*, no.3, pp.288-296. (In Rus.) DOI: 10.30987/2658-4026-2024-3-288-296.
32. Williams, I.A. (1996) IFs and buts. *Chemistry in Britain*, vol.32, no.2, pp.31–33.
33. Lazarev, V.S. (2017) Scientific documents and their ordered sets: Citedness, use, value. *Mezhdunarodnyi forum po informatsii = International Forum on Information*, vol.42, no.1, pp.3–16. (In Rus.) Available at: <http://lamb.viniti.ru/sid2/sid2free?sid2=J15472040>.
34. *Dictionary of the Russian Language: In 4 Vol. Ed. by A.P.Evgenieva. 4th, Stereotyp.Ed.* (1999). Moscow: Russkii yazyk; Poligrafresursy, vol.1 (A–Y), 702 pp. (In Rus.) Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.
35. *Use. Cambridge Dictionary*. (S.a.) Available at: <https://dictionary.cambridge.org/diction-nary/english/use/>.
36. Lazarev, V.S. (1997) Properties of scientific periodicals under bibliometric assessment. *International Journal of Information Sciences for Decision Making*, no.1 (December), pp.1–17. Available at: http://isd.m.univ-tln.fr/PDF/isdm1/isdm1a6_lazarev.pdf.
37. MacRoberts, M.H., MacRoberts, B.R. (1996). Problems of citation analysis. *Scientometrics*, vol.36, no.3, pp.435–444. DOI: 10.1007/bf02129604.
38. Bonzi, S., Snyder, H. W. (1991). Motivations for citation: A comparison of self-citation and citation to others. *Scientometrics*, vol.21, no.2, pp.245–254. DOI: 10.1007/bf02017571.
39. Lazarev, V.S., Nazarovets, S.A. (2018) Don't dismiss non-English citations. *Nature*, vol.556, no.7700, p.174. DOI: 10.1038/d41586-018-04169-2.
40. Lazarev, V.S. (2019) Manipulation of bibliometric data by editors of scientific journals. *European Science Editing*, vol.45, no.4, pp.92–93. DOI: 10.20316/ESE.2019.45.19011.
41. Galasiński, D. (2018) *A foreigner in Academia*. 14 Apr. 2018. (E-resource) Available at: <https://dariuszgalasinski.com/2018/04/14/foreigner-academia/>.
42. Lazarev, V.S. (1996) On chaos in bibliometric terminology. *Scientometrics*, vol.35, no.2, pp.271–277. DOI: 10.1007/BF02018485.
43. Latour, B., Woolgar, S. (1986 (1979)): *Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 294 pp. <https://studylib.es/doc/9380687/bruno-latour---laboratory-life> 15.01.2025.

Рецензенты: профессор Н.Е.Калёнов,
профессор Г.Г.Малинецкий